

Древности Кубани

(вып. 10)

Краснодар
1998

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно–дарского государственного историко – археологического музея – заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения Е.Д.Фелицына основателя Краснодарского музея-заповедника, общественного деятеля и историка Кубани.

В сборник включены статьи из учебного пособия «Археология Кубани» для студентов ВУЗов, фрагмент из книги «Оружие Кубанских казаков» Б.Е. Фролова.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Содержание

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ И ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ КАВКАЗА	4
БЕРЛИЗОВ Н.Е. КУБАНЬ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА	
ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.В. ПОЛОВЦЫ НА КУБАНИ	15
ПЬЯНКОВ А.В. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА ХАБЛЬ АБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ	20
ЛАРЕНКО В.А. ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО – ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ	28
ФРОЛОВ Б.Е. ПИКИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ	37
БЕРШАДСКАЯ О.В. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КАЗАЧЕСТВА В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУБАНИ (1920 – НАЧ.1930 – Х ГГ.)	43

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ И ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ КАВКАЗА 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КУБАНСКОГО ИСТОРИКА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ЕВГЕНИЯ ДМИТРИЕВИЧА ФЕЛИЦЫНА

В марте этого года кубанскому историку, офицеру Кубанского казачьего войска Е.Д. Фелицыну исполнилось 150 лет.

Родился историк в семье военного, образование получил в Тифлисском военном училище, которое в XIX веке дало России прекрасную плеяду военной интеллигенции. В 1873 году он был направлен в Екатеринодарский конный полк в чине хорунжего и в этом же году прикомандирован к штабу Кубанского казачьего войска. Через год его приписали к станице Северной. В дальнейшем Фелицын служил офицером по особым поручениям Кубанского войскового штаба. В 1877 году он был прикомандирован к сборному Хоперско-Кубанскому полку, входившему в состав Маруханского отряда, с которым он принимал участие в походе против турок к Сухуму. По окончании войны отряд был расформирован, и Фелицын снова возвратился к своей должности. С этого времени начинается его многолетняя служебная и общественная деятельность, неутомимая работа по изучению истории Кубанского края. По воспоминаниям современников, он не старался добиваться продвижений по военной службе, «ни отличий, ни наград не домогался». Все свободное время Евгений Дмитриевич посвящал мирному занятию - изучению истории. Он автор более 100 работ по истории Северного Кавказа. Своей необыкновенно продуктивной научной работой он смог, по высказываниям современников, «находясь вдали от главнейших центров науки, единоличным трудом, при ничтожных средствах накопить необходимый материал для создания священного здания науки и стать энциклопедией Кавказа, живой летописью его». О Фелицыне говорили, что «он в своей голове носит всю Кубанскую область».

Научная и общественная деятельность Фелицына была плодотворной и разносторонней. Ко всякому делу он относился добросовестно, а к любимым занятиям с увлечением. Современники часто писали, что он был исключительным тружеником. Поразительная быстрота в работе была хорошо известна - местные архивариусы отправляли ему дела повозками и уже через день получали обратно. В течение 13 лет, с 1879 по 1892 годы историк редактирует неофициальный отдел газеты «Кубанские областные ведомости», именно в этот период в газете публикуются материалы по истории и этнографии края. 1879 год необыкновенно богат событиями в общественной деятельности, им открыт Кубанский войсковой музей; он организовал Кубанский статистический комитет, который он долгие годы возглавлял; осенью этого же года Фелицын совершил поездку в Тамань и провел большую исследовательскую работу по изучению пребывания поэта М.Ю.Лермонтова. Им были сделаны рисунки и описание хаты казака Мысника, где останавливался поэт, эти материалы были опубликованы лермонтоведом Висковатым и помогли в 1976 году в создании музея Лермонтова в Тамани. В этот период Фелицын возглавляет комитет по сбору средств на первый памятник Лермонтову в России, который вскоре был открыт в Пятигорске. Вообще, Фелицын неутомимо работал на различных поприщах общественной деятельности. Восемь лет состоял секретарем Екатеринодарского благотворительного общества и на протяжении всей жизни был членом правления этого общества от Кубанского казачьего войска. Более трех лет историк исполнял обязанности наблюдающего за типографиями, библиотеками и книжной торговлей в Кубанской области и Черноморском округе, а в 1883 году он даже участвовал в деятельности комитета

по проекту Новороссийской железной дороги. По его словам, самым трудным периодом его общественной деятельности было время борьбы с саранчой - бичом сельского хозяйства. В 1886 году он был командирован от Кубанской области на съезд губернаторов Юга России в Одессу, для обсуждения мероприятий по борьбе с саранчой.

Колоссальную работу проводит Фелицын в должности председателя Кавказской археографической комиссии с 1892 года. В этот период он работает в Тифлисе и приводит в порядок собранные предшественниками исторические материалы по истории управления Кавказом и издал XII том документов, куда вошли материалы и по Северному Кавказу, им были просмотрены не только архив в Тифлисе, но и архивы Екатеринодара и Ставрополя.

Значима роль Фелицына не только в научной, общественной, но и культурной жизни края. Архивные источники свидетельствуют о том, что историк предложил идею и художественный проект известных памятников, которые сейчас утрачены - обелиск к 200-летию Кубанского казачьего войска и памятник Екатерине Великой, в письмах известный скульптор Микешин писал, что художественный образ составил ему кубанский историк Фелицын.

Доброта, отзывчивость, желание поделиться своими знаниями, скромность, пожалуй, самые отличительные качества Евгения Дмитриевича. Лучший ученик станицы Северской, к которой он был приписан, как казак и имел небольшой участок земли возле железной дороги, содержался на средства Фелицына в местном училище. Много лет связывала его дружба с кубанским историком Федором Щербининой. Вместе с ним издали книгу - «Кубанское казачье войско. 1698-1888». Книга была торжественно вручена наследнику Николаю и издана к приезду Александра III с семьей в Екатеринодар в 1888 году. Щербина писал: «она не была бы написана, ни тем более вручена царю, если бы во главе Кубанского войска не было двух казаков: атамана Г.А. Леонова и кубанского - правой руки атамана - есаула Фелицына». Не побоялся Фелицын тогда и защитить опального Щербину и отказался от награды - бриллиантовых запонок, потому что к награде не был представлен Щербина.

Создание в 1879 году Кубанского Войскового музея - было важным итогом научной деятельности Фелицына. Он стал одним из первых музеев на Северном Кавказе. Располагался войсковой музей при Кубанском статкомитете по улице Рашпилевской 3, при нем находилась и научная библиотека. Небольшой провинциальный музей в начале XX века стал центром культурной и научной жизни Екатеринодара. В основу музея легла личная коллекция предметов Е.Д.Фелицына по археологии, нумизматике и этнографии, которая была собрана в середине семидесятых годов. В 1897 году был издан первый каталог музея, тогда в нем насчитывалось две тысячи предметов по археологии, одна тысяча монет и шестьсот предметов по этнографии и истории. Часть этой коллекции была представлена на антропологической выставке Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Богатство этого материала тогда поразило организационный комитет, который высоко оценил труд Фелицына, наградив его золотым председательским жетоном. В эти годы Фелицыным много было сделано в области археологии края. До него кубанской археологией почти никто не интересовался. Он лично изъездил всю Кубанскую область, отыскивая археологические предметы, им раскопаны несколько курганов, описаны дольмены, древние христианские храмы и собрана уникальная коллекция половецких изваяний - «баб». Сейчас она хранится во дворе музея и является самой крупной в России. Раскопки кургана Карагодеуашх дали уникальные золотые предметы - памятники мирового значения и они по сей день хранятся в Эрмитаже. В конце 90-

х годов XIX столетия историк ставит вопрос об экспонировании этих находок в Войсковом музее и изготовлении копий. Это актуально и в наши дни, на следующий год музею исполняется 120 лет и хотелось бы увидеть эти сокровища и раскопки профессора Веселовского начала XX века на выставке в краевом музее. Исследования Фелицына в области археологии были высоко оценены пятым археологическим съездом, проходившим в 1881 году в Тифлисе. Особенно высоко учеными была оценена археологическая карта памятников древностей Кубанской области с обозначением памятников знаками, утвержденными Стокгольмским археологическим съездом. Это была первая археологическая карта в России, единственной она остается и сейчас. Карта была издана в 1882 году Императорским Московским Археологическим обществом. Уже тогда Фелицын предложил создать археологическую карту России, чтобы предотвратить хищнические раскопки и утрату памятников древностей.

По этнографии края Фелицын особенно интересовался и собирал предметы быта горских народов. Среди черкесов у него было много друзей, он знал многие черкесские наречия. К сожалению, Фелицын очень мало успел опубликовать трудов по истории адыгов, многие рукописи после его смерти были утрачены. Он собирался издать географический словарь Кубанской области с исчезнувшими местными географическими названиями. Интересна история открытия им целебных свойств карачаевского кефира, которым в XVIII- начале XIX века лечили многие болезни, в том числе - туберкулез, рак, малокровие, кожные и детские болезни, желудок. В 1879 году на очередную выставку в Москву он отправил вместе с предметами быта горцев и кефир, где он был обследован профессором Богдановым, результаты были опубликованы в газете «Кубанские областные ведомости» и с легкой руки Фелицына открываются первые мастерские по приготовлению кефира в 1900 году в Москве и Тифлисе, а в Екатеринодаре в городском саду было открыто кафе, куда горцы привозили молочные продукты, сыры.

Фелицын любил музыку, играл на многих музыкальных инструментах, в том числе на популярной в начале XX века фисгармонии и сам сочинял музыку. К 100-летию получения жалованной грамоты и основания Екатеринодара он написал «Кубанский войсковой марш». Его вальсы - «Вдохновение», «Привет с берегов Кубани», польки - «Шутка», «Ласточка» и «Кубанскую мазурку» исполнял музыкальный оркестр Екатеринодарского полка. В своих высказываниях Фелицын восторгался природой родного края, эта любовь способствовала его увлечению фотографией. Многие красивые места природы Кубани, исторические места он запечатлел на фотографиях, коллекция которых хранится в краевом музее.

Летом 1903 года Фелицын заболел и поехал в Геленджик с надеждой поправить здоровье, но эта поездка не приносит ему улучшения и 10 декабря в возрасте 55 лет он умирает в Екатеринодарской городской больнице. 12 декабря в Воскресенской церкви, которая находилась на территории крепости состоялась литургия, здесь присутствовали друзья историка. Священник Эмидинский произнес речь о его заслугах, бескорыстности и честности в служении обществу и в сопровождении двух сотен Екатеринодарского полка и полкового оркестра он был погребен на войсковом кладбище. Панихиду почтил своим присутствием атаман Я.Малама. Его друзьям для организации похорон и уплаты долгов пришлось собирать средства. В 1909 году издается приказ Наказного атамана М.П.Бабыча о комплектовании личного архива историка, о собрании книг из его библиотеки и передаче Войсковому музею. Заслуга в возвращении, лишь небольшой части архива, библиотеки Фелицына в музей принадлежит его заведующим К.Т.Живило и И.Е.Гладкому.

Древности Кубани

«Фелица в переводе значит - вдохновение, удача. Считал ли себя Фелицын счастливым в жизни, мы не знаем. В XX веке его постигла участь многих представителей русской интеллигенции - долгое забвение, затерялась даже могила.

Корсакова Н.А.

В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ
Спецкурс «Археология Кубани»
Берлизов Н.Е.

КУБАНЬ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

Кавказ заслуженно считается одним из древнейших очагов появления человека на территории нашей страны. Здесь достаточно часто встречаются памятники нижнего палеолита. Эта характеристика в полной мере относится к Северо-Западному Кавказу. Следует отметить особенности размещения древнейших памятников археологии в нашем регионе: они в основном тянутся узкой полосой, захватывая высокую часть Прикубанской наклонной равнины и низкие предгорья /Карты 1 -3/. Памятники, размещавшиеся севернее, по мнению специалистов, погребены под толщей новейших континентальных осадков, а более южными в горных районах могли быть уничтожены склоновым смывом.

В зоне сохранившихся памятников палеолита около пятидесяти относят к эпохе ашеля. Они объединяются в несколько групп. Предполагается, что питекантропы передвигались сюда из Закавказья, постепенно пересекая провалы большого Кавказа.

Вопрос о начальной дате появления человека на Северо-Западном Кавказе долгое время являлся открытым: весьма архаичные находки из карьера Цимбал на Таманском п-ове и местонахождения Игнатенков Куток у ст. Саратовской не имели четкой стратиграфической привязки и лишь условно относились к древнему ашелю /в настоящее время датируются поздним ашелем/. В 1986-1990 гг. в верховьях р. Уруп на плато Баранаха исследована пещерная стоянка в т.н. Треугольной пещере. Открытые здесь чопперы, галечные орудия, бифасы, кливерообразные и колунообразные орудия вкуче с данными геологии, палеозоологии и палеоботаники позволили отнести этот памятник к эпохе гонц-миндельского межледникового /примерно 750-500 тыс. до н.э./ и миндельского оледенения /примерно 500-300 тыс. до н.э./ и считать его древнейшим в Предкавказье. Находки из Треугольной пещеры сравнимы с раннеашельскими материалами из Закавказья /Кударо 1, Азых/ Приднестровья /Королеве 1/ и Чехословакии. Остальные датированные ашельские памятники Прикубанья относятся уже к позднему ашелю. Это Среднехаджохская палеолитическая мастерская, стоянки Абадзехская, Хаджох, Шаханская, где найдены характерные для позднего ашеля миндалевидные и копьевидные бифасы. /Рис.1/.

К позднему ашелю - переходу к эпохе мустье относят местонахождения Семияблонское, Лучковское, Фарское, Псефирское. Для них характерны небольшие бифасики, скребла, скребки, пластины. /Рис.1/.

Известен ряд малоизученных местонахождений, таких как Абинское, Боровикова гора, Имеретинское, Карпово, Ханское, Курджипское, Баговское, Переправненское и Отраденское, отдельные находки сделаны на ручье Яйцока у ст. Ахметовской /Карта 1/.

В целом ашельские древности Кубани напоминают абхазские /р-на Хейвани/ и юго-осетинские /р-на Цхинвали/.

Значительное количество палеолитических памятников Кубани /около 80/ относится к эпохе мустье. При этом, если для эпохи ашеля культурный слой прослежен только на двух кубанских стоянках /Средний Хаджох, Шаханская/, то для эпохи неандертальцев известно значительное число открытых и пещерных стоянок с нетронутым культурным слоем.

В Борисовском ущелье на р. Губс открыты пещерные стоянки т.н. губской археоло-

гической культуры /Монашеская и Баракаевская пещеры, Губский навес 1/ /Карта 2/ . Это памятники типичного мустье сожж значительным количеством находок скребел, скребков, зубчатых орудий /Рис.2/.

Другое скопление пещерных стоянок находится в р-не Хост /Ахштырская, Воронцовская, Навалишенская, Ацинская, Хостинские I и II пещеры/ /Карта 2/. Здесь представлено мустье зубчатое с леваллуазской техникой раскалывания камня: зубчатые, выемчатые, клювовидные орудия, скребки. Гораздо реже встречаются скребла и остроконечники /Рис.2/.

Из общей массы выделяется Ильская стоянка: древний охотничий лагерь открытого типа. Это двуслойная стоянка, находки на которой погребены в толще ископаемого битума. В нижнем /древнем/ слое преобладают скребла, остроконечники, листовидные формы /Рис.2/, в верхнем слое орудия на леваллуазских пластинах, скребла. Ильские материалы резко отличаются и от губских, и от хостинских. Интересно смешение нескольких традиций обработки камня на одном памятнике, а также исследованные на Ильской стоянке останки искусственного жилища.

Среди мустьерских памятников уже можно выделить мастерские, охотничьи лагеря, долговременные стойбища. Отмечено, что обитатели Ильской стоянки охотились на бизонов, лошадей, оленей, мамонтов. Основной дичью для жителей Борисовского ущелья служили козлы, а в р-не Хосты - пещерные медведи.

Изучение верхнего палеолита на Кубани только начинается. Основная масса памятников этого времени по-прежнему концентрируется в бассейне р. Губс и р-не Сочи-Адлера. Более ранними считаются последние: в Ахштырской и Навалишенской пещерах /карта 3/ открыт микролитический инвентарь 22-19 тыс. до н.э. /Рис.3/. В коллекции из верхнепалеолитического слоя Ахштырской пещеры преобладают ножевидные пластины, резцы, скребки. Близкие по характеру находки сделаны на стоянке Широкий Мыс под Туапсе. Здесь было собрано 5430 предметов, в том числе: 88 скребков, 57 резцов, 3 проколки, 6 рубящих орудий, 190 микропластин и 626 пластин и отщепов со следами использования. Большинство орудий изготовлено на ножевидных пластинах.

Своеобразна Губская группа памятников /Губские навесы 1 и 7 и Каменноостская пещера/. В Каменноостской пещере позднепалеолитические орудия сочетаются с мустьерскими. Преобладают резцы, реже встречаются скребки. Нуклеусы призматические и только один дисковидный /типа мустьерских/. Для эпохи мустье характерны также орудия, выполненные в технике зубчатой ретуши. Более совершенны орудия из Губского навеса 1, в верхнепалеолитическом слое которого обнаружены 163 орудия и 55 нуклеусов. Среди орудий преобладают скребки /109 экземпляров/, встречаются резцы, орудия с выемками, проколки, пластины; нуклеусы - призматические. Из более раннего слоя происходят 33 орудия: пластины, скребки, резец и призматический косо-площадочный нуклеус.

Огромное количество находок (15 565) сделано в Губском навесе 7 /Сатанай/. Это изготовленные из черного и темно-серого кремня скребки, резцы, острия, орудия с выемками, пластины, микролиты; орудия на гальках, наконец, уникальные плоские наконечники копий из расколотых костей /Рис.3/. Украшением, вероятно, был просверленный лошадиный зуб.

В окрестностях Губских навесов открыты отпечатки ладоней, выполненные охрой и аналогичные находкам во Франции и Испании.

Таким образом, в Прикубанье вычленяются памятники всех трех ступеней верхнего палеолита:

- Каменноостская пещера - начало

- Губский навес 1 - середина
- Губский навес 7 - финал

Все они весьма своеобразны, связь между древностями разных ступеней прослеживается очень слабо. Предположительно, разновременные стоянки древних жителей Кубани были оставлены совершенно разными группами людей.

Основным занятием населения региона в верхнем палеолите оставалась охота. При этом жители Губских навесов предпочитали охоту на лошадей, а в р-не Хосты - на медведей. О возросшей в этот период роли собирательства свидетельствуют находки раковин съедобных моллюсков.

В это время налаживаются определенные связи с соседними регионами. Об этом, в частности, свидетельствуют находки орудий из обсидиана /вулканического стекла/, добывавшегося на Центральном Кавказе и главным образом на территории современной Армении.

Развитие абстрактного мышления охотников верхнего палеолита иллюстрируют не только охранные эстампы у Губских навесов, но и находка разрушенного погребения в навесе Сатанай.

Памятники мезолита на территории нашего края изучены весьма неравномерно. Они известны в р-не Хосты, а к северу от Главного Кавказского хребта до недавнего времени была известна только одна мезолитическая стоянка - Явора на р.Уруп. В 1988-89 гг. мезолитические стоянки были открыты в скальных навесах Гамовского ущелья / между речью рр. Уруп и Кува/ /Карта 4/.

В Хостинской группе наиболее интересны материалы Ацинской пещеры /Рис.4/. В раннемезолитическом слое здесь найдены каменные плиты-наковальни, отбойники, отжимники, другие инструменты для обработки камня. Из других орудий чаще всего встречаются микролиты, резцы, скребки на микропластинах. Встречаются костяные шилья и проколки. Для украшения, возможно, служили кусочки охры и обломки горного хрусталя. Интересны два камня, на которых процарапаны геометрические узоры. О сохранении связей с Закавказьем свидетельствуют находки обсидиановых орудий и обломков. Основными занятиями жителей пещеры в этот период были охота на пещерного медведя, рыбная ловля, подсобную роль играло собирательство. В позднемезолитическом слое пещеры встречено большое количество ножевидных пластин, микролиты новых форм, резцы, больше становится изделий из обсидиана. Наступает кризис охотничьего хозяйства: исчезают последние пещерные медведи, что приводит к активизации рыболовства и собирательства.

В целом мезолитические древности р-на Сочи-Адлера близки памятникам имеретинской мезолитической культуры, расположенным в Абхазии.

Изделия, открытые на мезолитической стоянке Явора, в отличие от хостинских восходят к верхнепалеолитическим древностям навеса Сатанай. Из разведочного шурфа на стоянке происходит до 300 изделий, в том числе. 25 орудий /резцы, пластины-вкладыши, скребок/ и 140 необработанных пластин. О длительности проживания людей на этом месте свидетельствует довольно мощный - до 80 см - культурный слой.

В Гамовском ущелье наиболее выразительны находки из навеса 2. Здесь под слоем эпохи средневековья были открыты следы костра, содержавшего фрагменты кальцинированных костей, карандашевидный нуклеус и орудия на микропластинах. Предположительно, здесь жили охотники на пещерных медведей, водившихся в ущелье.

Для эпохи начального заселения Кубани в настоящее время известен определенный палеоантропологический материал. Так, в ашельских слоях пещеры Матузка на плато Лагонаки открыты два зуба ископаемого человека. В 1993 г. в долине р. Курджипс

РИС 1. Ашель Кубани.

1. Ранний ашель (Треугольная пещера); 2. Поздний ашель, переход к мустье (Игнатенков Куток, Абадзехская, Уруп, Богос, Семьяблоневская, Лучка).

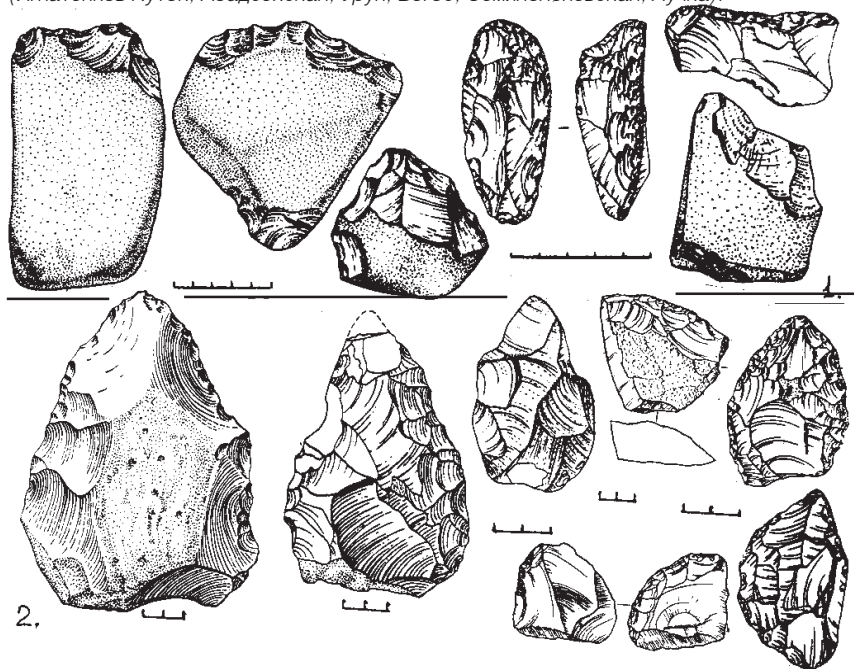
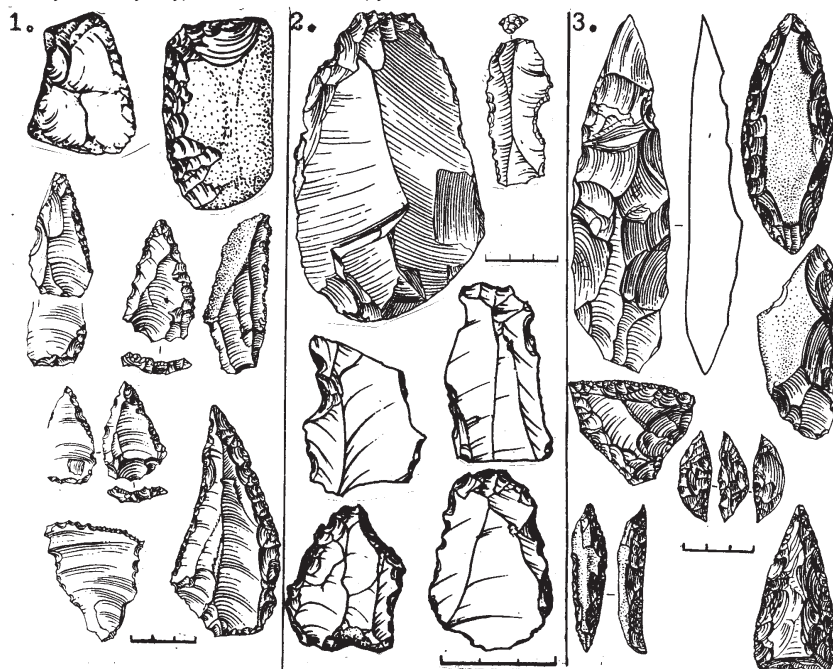

РИС. 2. Мустье Кубани.

1. Губская культура; 2. Хостинская группа; 3. Ильская стоянка.

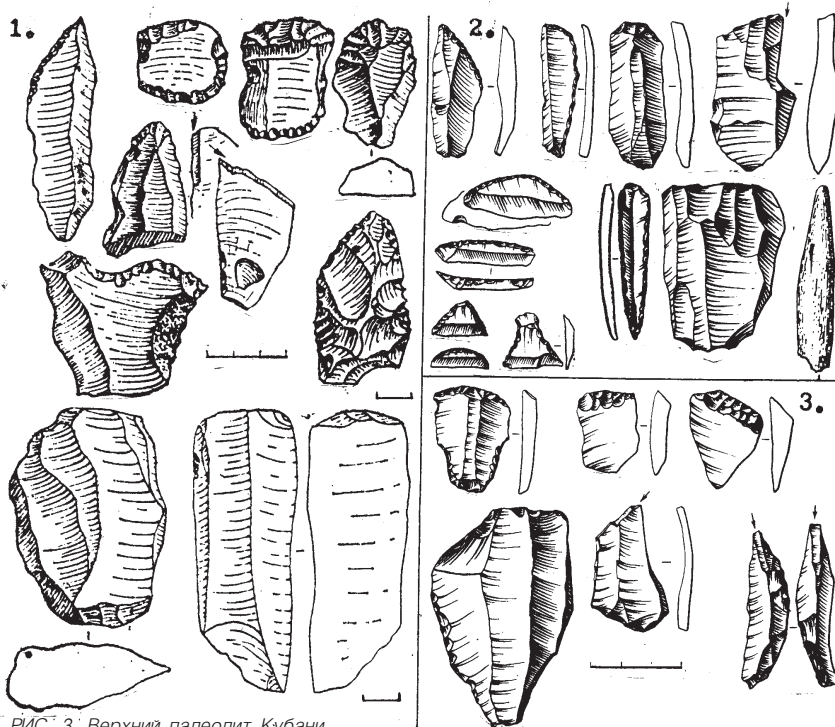

РИС. 3. Верхний палеолит Кубани.

1. Хостинская группа; 2. Губский навес 7 (Сатанай); 3. Губский навес 1.

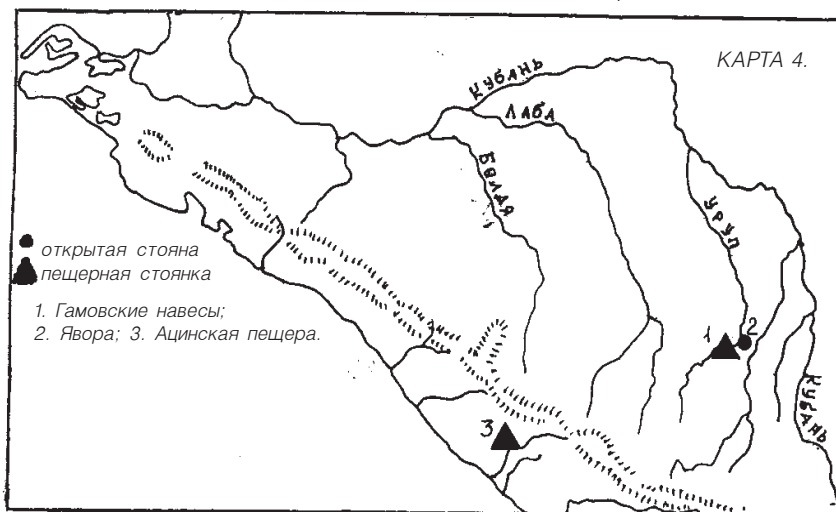
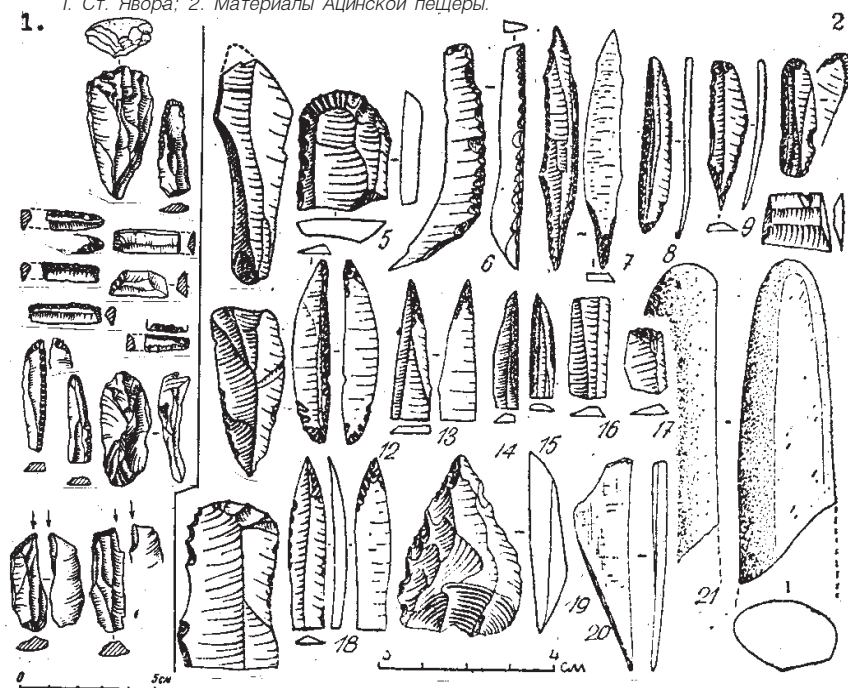

РИС. 4. Мезолит Кубани.
1. Ст. Явора; 2. Материалы Ацинской пещеры.

в Мезмайской пещере открыто первое на Кавказе неандертальское погребение: ребенок в возрасте около двух месяцев лежал на правом боку головой на север /внутри пещеры/ в слое насыщенного угольками грунта. Этому погребению более 45 тыс. лет! В этой же пещере открыты останки ребенка 1-2 лет, им около 32 тыс. лет. Кости неандертальца открыты в Монашеской пещере, вероятно, они также относятся к разрушенному погребению. К верхнему палеолиту относится упомянутое выше погребение в навесе Сатанай /Губский 7/.

В заключение отметим, что изучением памятников каменного века Кубани занимался целый ряд специалистов. В 1898 г. Ж.де Бай открыл первый на Кавказе памятник палеолита - Ильскую стоянку. В дальнейшем древности эпохи камня исследуют С.Н.Замятнин, М.З.Паничкина. После Великой Отечественной войны к ним присоединяются Д.А.Крайнов, А.А.Формозов, В.П.Любин. В 1960е годы к изучению палеолитических и мезолитических древностей нашего края приступают П.У.Аутлев, М.И. Коробков, далее - В.В.Бжания, Н.О.Бадер, Д.А.Векилова, В.Е.Щелинский. В последние годы интересные работы были проведены ленинградскими археологами Л.В.Головановой, В.Б.Дороничевым, С.А.Кулаковым. Из обобщающих работ в этой области интересны также исследования Ю.Н.Воронова и Х.А.Амирханова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Х.А. *Верхний палеолит Прикубанья. М., 1987*
2. Воронов Ю.В. *Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1975*
3. Ждановский А.М. *Первобытные люди на Кубани // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. Краснодар, 1993*
4. *Мезолит СССР // Археология СССР. Т.2. М., 1989*
5. Любин В.П. *Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977*
6. *Палеолит СССР // Археология СССР. Т.1. М., 1984*
7. Формозов А.А. *Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965*
8. *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года./под ред. Б.А.Трехбрата. Краснодар, 1997*

В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ
Спецкурс «Археология Кубани»
Зеленский Ю.В.

ПОЛОВЦЫ НА КУБАНИ

Раскопки в степных районах Прикубанья начались в конце XIX в. В ходе этих раскопок Николаем Ивановичем Веселовским были открыты половецкие погребения близ ст.Усть-Лабинская, Ладожская и пос.Праздничный (сейчас ст.Раздольная Кореновского района). В конце XIX - начале XX вв. развернулось формирование коллекции половецких каменных изваяний Кубанского войскового этнографического и естественноисторического музея (сейчас Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына). У ее истоков стояли Евгений Дмитриевич Фелицын и первые заведующие музеем Кирилл Трофимович Живилло и Иван Ефимович Гладкий. Изваяния привозились прежде всего из станиц, расположенных в верховьях Кубани (сейчас это территория Ставропольского края). Исследования возобновились в 70 - 80-х гг. XX в. Половецкие погребения на территории

Краснодарского края исследовали археологи из Краснодара, Москвы, Ленинграда, Волгограда и Куйбышева (Н.В.Анфимов, И.Н.Анфимов, А.З.Аптекарев, Г.Н.Баков, В.С.Бочкарев, А.Н.Гей, Э.Н.Дубман, В.Н.Каминский, И.В.Каминская, Н.Ю.Лимберис, И.И.Марченко, В.И.Мельник, А.А.Нехаев, Я.М.Паромов, В.А.Сафронов, А.И.Семенов, А.С.Скрипкин, И.В.Сергацков, В.А.Тарабанов, Ю.А.Шаталин, Н.Ф.Шевченко, Е.А.Ярковая (Хачатурова)). Всего было исследовано около ста половецких погребений. Продолжалось формирование коллекции половецких каменных изваяний. Их привозили из станиц расположенных в основном в Кореновском, Выселковском и Ленинградском районах (Старо-Леушковская, Новомалороссийская, Березанская). Долгое время среди историков господствовало мнение, что половцы лишь прошли через предкавказские земли, направляясь в Грузию. Предкавказская группировка половцев была выделена Г.А.Федоровым-Давыдовым и С.А.Плетневой. Лишь в 70 - 90-х гг. историки, такие как Т.М.Минаева, Г.С.Федоров, Я.А.Федоров, В.М.Батчаев, В.А.Кузнецов, А.В.Гадло уделили в своих работах внимание предкавказским половцам.

Самоназвание половцев-кипчаки, их прародина Южная Сибирь. Впервые они упоминаются в письменных источниках в VII в. В VIII - IX вв. кипчаки двинулись на запад проникнув в Приаралье, Приуралье, Заволжье. В конце X в. кипчаки и куманы (их западная ветвь) проникли в степи Причерноморья, а в середине XI в. подошли к границам Руси. Среди историков господствует мнение, что название половцы произошло из-за цвета волос кипчаков, похожего на выгоревшую на солнце солому (полову). В Прикубанье половцы появились в конце XI в. В 1111 или 1116 гг., после похода русских дружинников на Дон (Северский Донец), часть половцев под предводительством Отрака (Атрака) ушла в Предкавказье, а оттуда - в Грузию, где половцы стали отборным войском грузинских царей. Большая же часть орды Отрака осталась кочевать в Предкавказье. В 1223 г. предкавказские половцы были разгромлены монголами. Но и после монгольского нашествия половцы остались основным населением предкавказских степей.

Выделяются основные и впускные половецкие погребения. Почти все они подкурганые (одно впущено в культурный слой меотского городища в ст.Роговской Тимашевского района и одно совершенно в грунтовом могильнике раннего железного века в ст.Старокорсунской). Основные погребения совершены в глубоких ямах до двух метров глубиной, впускные в неглубоких 50 - 70 см. Ямы овальной или прямоугольной формы, довольно часто перекрыты деревом, в трех случаях зафиксированы каменные оградки. Иногда в погребениях встречаются сколоченные из досок или выдолбленные гробы. Для половцев характерно помещение в могильную яму вместе с человеком костяка коня, отдельных костей коня или чучела коня (череп и конечности обтянутые шкурой).

Погребенные лежали вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты. Ориентировка разнообразна по всем сторонам света, но господствует восточная или западная. Почти все погребения мужские, пока четко зафиксировано три женских захоронения, относительно двух имеются сомнения.

Инвентарь половецких погребений - предметы упряжи, предметы вооружения, украшения, предметы быта.

Из упряжи чаще всего встречаются стремяна (рис.1, 1). Они арочной формы с прямоугольной или овальной прорезью для путлища в верхней части дужки и с прямоугольной или овальной подножкой. В рядовых погребениях встречаются по два стремяна, а в богатых по четыре. Стремяна находят среди костей коня или в ногах погребенного. Удила двусоставные кольчатые (рис.1, 2) встречаются во рту лошади

или среди костей коня. В двух погребениях (пос.Праздничный и пос.Южный Новопокровского района) встречены шпоры V - образной формы. Это редчайшая находка, в половецких погребениях больше нигде шпор нет. Шпоры располагались в ногах погребенного.

Из предметов вооружения чаще всего встречаются сабли (в каждом третьем погребении) и наконечники стрел. Сабли длинные (длина 1 м - 1,15 м) изогнутые (рис.1,3), но встречены два экземпляра коротких одна 86 см, другая 96 см. Сабли размещались вдоль туловища чаще всего слева. В двух погребениях найдены палаша.

Наконечники стрел все черешковые. Чаще всего встречены плоские листовидные наконечники (рис.1,4) и так называемые срезни в виде широкой лопаточки (рис.1,5), встречаются и граненные бронебойные наконечники стрел. В одном погребении (хут.Пролетарский Кореновского района раскопки Н.Ф.Шевченко 1984 г. к.4 п.6) найден костяной втульчатый пулевидный наконечник стрелы предназначавшийся для охоты на пушного зверя. Наконечники стрел обычно располагались в районе пояса. В половецких погребениях Прикубанья не встречены трехлопастные наконечники стрел, которые выходят из употребления в XII в.

Лук был составным он изготавливался из дерева и укреплялся костяными накладками. Эти накладки сохранились в погребениях. Стрелы хранились в колчане, который изготавливался из дерева и обклеивался берестой. Колчан украшался костяными накладками с прорезными кружочками. В половецких погребениях Прикубанья не встречены накладки от колчанов, украшенные растительным орнаментом, которые характерны для золотоордынского периода.

Доспех состоял из кольчуги и шлема. Кольчужная рубашка плелась из круглых в сечении колец она доходила до середины бедренных костей рукава до локтей. В погребении кольчужная рубашка либо надевалась на погребенного либо свернутая клалась у стоп. Панцирный доспех не был встречен ни разу. Шлемы найдены в 16 погребениях - чаще, чем в других регионах. Шлемы конической формы с вырезами для глаз (рис.1,6) или сфероконической формы (рис.1,7). В погребении шлем был надет на голову погребенного или ставился рядом с черепом.

В одном погребении (ст.Дмитриевская Кавказского района раскопки А.С.Скрипкина 1982 г. к.1 п.2) были найдены наручи, защищающие руку от локтя до запястья и наколенники. Находка этих предметов заставляет пересмотреть мнение о слабой защищенности кочевников. В этом же погребении были найдены две бронзовые бляхи круглой формы, покрытые позолотой. Считается, что такие бляхи, крепившиеся на кольчугу, выполняли защитные функции, но по моему мнению изготавливать защитные бляхи из мягкого и драгоценного металла нецелесообразно. Они могли выполнять роль наград, либо быть связанными с солнечным (позолоченные) или лунным (серебряные бляхи) культом.

Из украшений чаще всего встречаются серьги и височные кольца. Серьги бывают в виде колечка с несомкнутыми концами (рис.1,8) и в виде знака вопроса (рис.1,9). Височные кольца в виде кольца концы которого завершаются нанизанными бусинами (рис.1,10). Серьги и височные кольца находят в районе черепа. Серьги находят как в мужских, так и в женских погребениях. Бусы находят не низками, а по одной - две бусине в погребении. Бусы не характерны для половецких погребений Прикубанья.

В двух погребениях (ст.Новотитаровская Динского района раскопки Е.А.Ярковой (Хачатуровой) 1973 г. к.3 п.6 и хут.Малаи Калининского района раскопки И.Н.Анфимова 1988 г. к.5 п.2) были найдены гривны, изготовленные из серебряной пластины.

Гривны находились в районе шеи.

В 6 погребениях были найдены распрямленные гривны изготовленные из витой серебряной проволоки (рис.1,12). Распрямленные гривны были зажаты в правой руке погребенного. Раньше такие гривны считали остатками плетей, но потом пришли к выводу, что это жезлы - символы власти. В разрушенном погребении близ ст.Староминской были найдены лазуритовые подвески треугольной и ромбической формы.

Из бытовых предметов найдены ножи, кресала (рис.1,11), оселки. Бытовые предметы расположены в районе пояса. Вызывает удивление их малочисленность. Так ножей найдено всего 28, кресал - 6, оселок - 1.

Посуда так же редко встречается в половецких погребениях. Это либо лепные горшки баночной формы, либо кружальные красноглиняные кувшины. Из металлической посуды в двух погребениях (ст.Гривенская Калининского района) встречены серебряные чаши, в 6 погребениях найдены бронзовые котлы, в разрушенном погребении близ ст.Новоберезанской найдена бронзовая мисочка. В этом же погребении найден поясной набор состоящий из бронзовых бляшек, покрытых позолотой. Такие пояса изготавливались китайскими мастерами.

Половецкие погребения Прикубанья и Восточного Закубанья можно разделить на три группы. К первой наиболее многочисленной относятся погребения датирующиеся XII - началом XIII вв. Менее многочисленная группа датируется 30-ми гг. XIII в. И, наконец, несколько погребений датируются золотоордынским временем (в трех из них найдены серебряные золотоордынские монеты XIV в.).

В Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике хранится самая большая в России и вторая по величине в мире (после Днепропетровской) коллекция половецких каменных изваяний - 55 экземпляров. 13 изваяний хранятся в Армавирском краеведческом музее. Половцы ставили их на курганы и приносили жертвы. Во время монгольских походов статуи стали помещать в скрытые под курган ямы.

Изваяния разделяются на мужские и женские, на сидящие и стоящие, кроме того, выделяются стелловидные изваяния, пол и поза которых не определяются.

Почти на всех мужских изваяниях изображены шлемы, большинство которых сфероконической формы. На мужских изваяниях так же изображены нагрудные бляхи, соединенные ремнями. Точно такие же бляхи были найдены в погребении близ ст.Дмитриевской. На поясе оружие (сабли, лук в налучье, колчан со стрелами) и бытовые предметы (ножи, кресала, мешочки с мелкими предметами) (рис.1,13). На шее у женских изваяний изображены гривны, на запястьях браслеты, на груди треугольные или ромбовидные подвески. Одежда и обувь одинакова как у мужчин, так и у женщин - это кафтаны, штаны, сапоги. Поза также одинакова - руки сложены на животе в руках сосуд.

Для половецких погребений Прикубанья и Восточного Закубанья характерны следующие признаки, отличные от погребений других культур эпохи средневековья:

1. Помещение в могильную яму костяка коня.
2. Наличие в погребении шлема и кольчуги.
3. Наличие конской упряжи.
4. Наличие длинной изогнутой сабли (этот признак отличает половецкие погребения от погребений кочевников более ранних эпох, например, от погребений салтово-маяцкой культуры, где сабли короткие и почти прямые).
5. Наличие на кургане или в насыпи каменного изваяния.

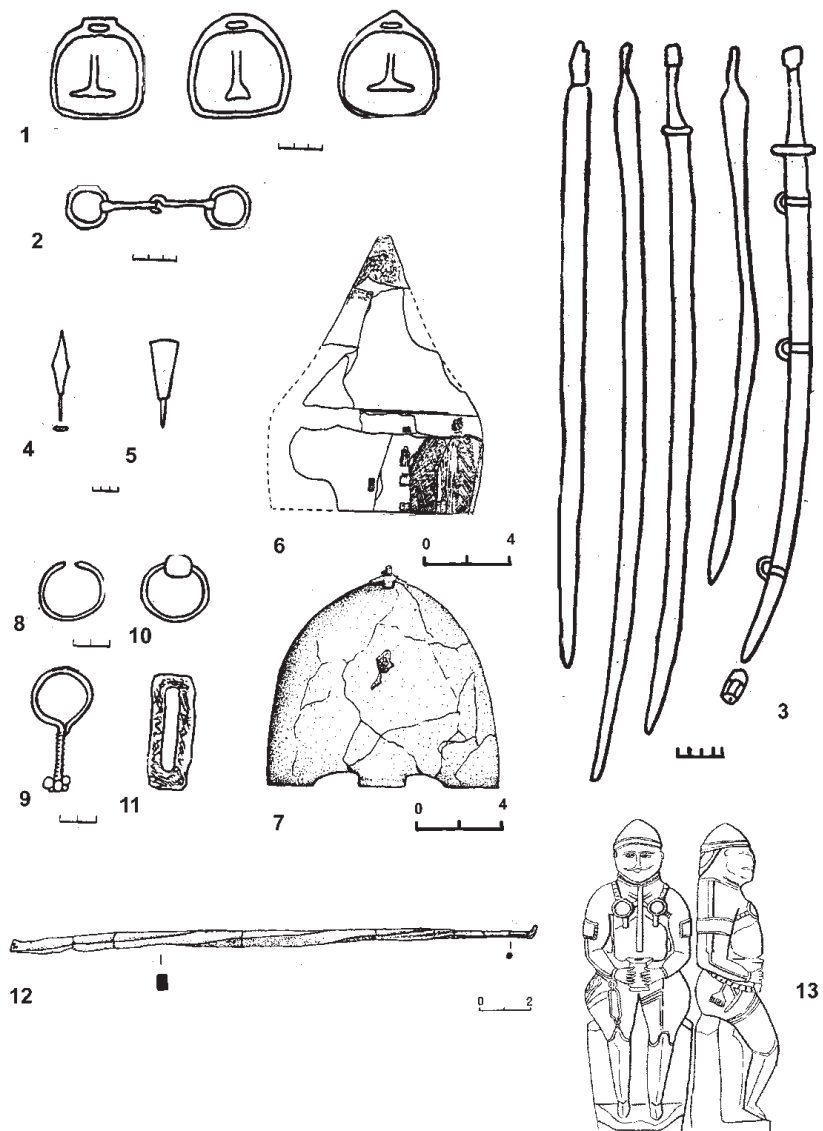

Рис. к статье Зеленского Ю.В. «Половцы в Прикубанье и Восточном Закубанье»

На основе картирования половецких погребений и каменных изваяний Прикубанья и Восточного Закубанья были выделены следующие районы половецких кочевий. Прежде всего, это Восточное Приазовье низовья рек Понура и Кирпили (территория нынешнего Калининского района, зона строительства Понуро-Калининской оросительной системы), крупная группировка половцев кочевала на правом берегу и левобережье рек Бейсуг, Челбас, Ея, Сосыка (территория нынешних Кореновского, Выселковского, Павловского, Ленинградского и Тихорецкого районов). Еще одна крупная группировка кочевала в Восточном Закубанье (район Армавира - Новокубанска). Среднее Прикубанье постоянно было местом кочевок половцев. Половецкие погребения и изваяния обнаружены в районе Усть-Лабинска и станицы Ладожской. Половцы кочевали и в верховьях Кубани. Спорным остается вопрос о пребывании половцев на Тамани и на Черноморском побережье в районе Анапы - Новороссийска. Этническая принадлежность обнаруженных там погребений XIII в. остается неопределенной. Половцы могли проникнуть в этот район после монгольского нашествия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. СПб., 1994.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
3. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. // Материалы по истории Ставропольского края. Вып.11. Ставрополь, 1964.
4. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА N 62 1958.
5. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ Вып.Е2 - 4 1974.
6. Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X - XIII вв. М., 1975.
7. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
8. Плетнева С.А., Половцы. М., 1990.
9. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР М., 1981.
10. Федоров-Давыдов Г.А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Пьянков А.В.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА ХАБЛЬ АБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Осенью 1986 г. в Абинскую археологическую экспедицию* Краснодарского музея-заповедника поступили предметы из разрушенных погребений в окрестностях хутора Хабль**. Вещи принес скреперист Абинского ПМК-16 Л.И. Молчанов. Он сообщил, что при строительстве рисовых чеков***, в одном из них, расположенном в 2 км к северо-западу от хутора попадались кости людей и лошадей а также древние предметы, часть которых была им собрана. Одну могилу, из любопытства, он раскопал сам. Это погребение состояло из одного человеческого костяка лежащего на спине вытянуто, черепом на север. На груди костяка находились две серебряные застёжки, в области шеи обнаружили бусы, а у левой стопы лежала брон-

зовая пряжка (другая нога была срезана бульдозером).

К нашему приезду чек уже был закончен и по сообщению рабочих при завершении работ ни кости ни вещи уже не попадались.

Этот могильник был совершенно разрушен и все, что случайно уцелело предлагается вниманию специалистов.

Сначала приводится комплекс предметов из погребения, раскопанного Л.И.Молчановым.

1. Фибула двупластинчатая, имеющая пятиугольную головку, спинку с арочным сечением и ножку расширенную в средней части, изготовленные из кованного серебра. Окончание ножки утрачено. На боковых сторонах головки закреплены стойки с отверстиями для осей пружины, которые обмотаны бронзовыми ленточками и концы которых увенчаны кнопками. Пружина, ее детали, игла, приемник и стержень жесткости сделаны из бронзы. Имеются дуговидные накладки в виде пальметок с резным внешним краем. Накладка на головку бронзовая, а на ножку серебряная. Общие размеры: 14,8 x 7,1 x 0,3 см (рис. 1, 1).

2. Фибула двупластинчатая аналогична N 1, но обе ее накладки серебряные. Общие размеры: 15 x 6,9 x 0,6 см (рис. 1, 9).

3. Пряжка бронзовая овальнорамчатая с подвижным щитком из сложенной вдвое пластинки скрепленной одной заклепкой и подвижным язычком. Общие размеры: 3,2 x 1,9 x 0,6 см (рис. 1, 2).

4. Бусина цилиндрическая из белого мелкозернистого камня. Размеры: 2,3 x 2 x 1,8 см, d отверстия 0,8 см (рис. 1, 7).

5. Бусина цилиндрическая из янтаря, один срез выпуклый. Размеры: 2 x 1 см, d отверстия 0,5 см (рис. 1, 3).

6. Бусина овальноцилиндрическая из янтаря. Размеры: 1,5 x 1,3 x 1 см, d отверстия 0,5 см (рис. 1, 4).

7. Бусина шаровидная мозаичная из глухого стекла с сине-голубой и сине-белой шахматной клеткой, зелеными трилистниками и желто-белыми бесформенными глазками. Размеры: 1,5 x 1,5 см, d отверстия 0,5 см (рис. 1, 5).

8. Бусина шаровидная глазчатая из синего глухого стекла с бело-красными и сине-голубыми глазками неправильной формы. Размеры: 1,5 x 1,3 см, d отверстия 0,5 см (рис. 1, 6).

9. Бусина шаровидная глазчатая из синего глухого стекла с неправильной формы глазками зеленого и красного цвета. Размеры: 2,3 x 2,1 x 1,7 см, d отверстия 0,7 x 0,5 см (рис. 1, 8).

10. Бусина неопределенной формы, фрагмент из синего стекла. Размеры: 1,4 x 1,2 x 0,8 см. Далее следует описание отдельных предметов из разных погребений.

11. Меч железный обоюдоострый, сложен вдвое, состоит из двух фрагментов. Сохранился фрагмент черешка. Сечение клинка линзовидное. Общие размеры: 68 x 3,6 x 0,4 см (рис. 2, 2).

12. Сабля железная сложенная вдвое. Сечение клинка треугольное. Сохранилась большая часть черешка и перекрестие, изготовленное из сложенной пополам железного бруска. Перекрестие имеет выступы в средней части. Окончание клинка сохранилось плохо. Общие размеры: 82 x 3,4 x 0,5 см (рис. 2, 1).

13. Наконечник копья железный, с длинной втулкой и узким, ромбическим в сечении пером. Размеры: длина 27,8 см, d втулки 2,8 см, размеры пера 13,6 x 1,9 x 0,9 см (рис. 3, 1).

14. Удила двухчастные, железные с квадратными в сечении грызлами, S-видными

железными пластинчатыми псалиями, имеющие концы отдаленно напоминающие конские головки. Удила снабжены дополнительными кольцами во внешних петлях. Удила имеют повреждения. Размеры: размер звена удил 10,6 x 1,1 см, размер псалия 19,1 x 3,2 x 0,9 см, размер кольца 3 x 0,6 x 0,5 см (рис.3, 2).

15. Стержень железный прямоугольный в сечении. Назначение его не ясно. Размеры: 21,5 x 0,8 x 0,7 см (рис. 3, 3).

16. Стремя железное арочной формы с выделенной петлей для путалища, горизонтальной подножкой, имеющей ребро жесткости. Сечение стержней арки, предположительно, были ромбическими. Стремя погнуто. Петля сохранилась частично. Размеры: 14,5 x 12,7 см, ширина подножки 3,2 см (рис. 3, 4).

17. Стремя аналогичное N 16, но повреждено сильнее и петля для путалища не сохранилась. Размеры: 13 x 13,6 см, ширина подножки сохранилась до 2,5 см (рис. 3, 5).

Находки двупластинчатых фибул на территории Краснодарского края распределены неравномерно. Больше всего их происходит с Черноморского побережья. Еще в конце прошлого века В.Сизов опубликовал первую подобную находку из окрестностей Мысхако (28, с. 77, фототипия XI, 11). Позднее двупластинчатые фибулы были найдены Борисовском могильнике (1, с. 88), в могильнике Сопино (3, рис. 13, 8) и в могильнике Бжид 1 (26, с. 52). Особенно много двупластинчатых фибул (31 экземпляр) было найдено в погребениях ранней хронологической группы могильника Дюрсо (10, с. 73). В Прикубанье такие фибулы были известны лишь в Пашковском могильнике N 1 (24, рис. 3 и 6, 4; 29, рис. 50, 4 и 51, 2) и в могильнике Общественный II****, который находится недалеко от х. Хабль (6, с. 118). Случайная находка в окрестностях Краснодара завершает список двупластинчатых фибул из Краснодарского края (11, с. 259,260, рис. 1).

По классификации А.К.Амброза фибулы подобные хабльским относятся к подгруппе II и датируются V-VII вв. (1, с. 86). Однако, по многим особенностям (раскованный серебряный лист, характер накладок и тд.) они находят аналогии лишь среди фибул из могильников Дюрсо и Бжид 1. Близка им и краснодарская находка. Эти материалы получены сравнительно недавно и поэтому не нашли отражение в классификации А.К.Амброза. А.В.Дмитриев отнес двупластинчатые фибулы из могильника Дюрсо к 1 типу и разделил их на несколько вариантов (10, с. 75-77, рис. 2). Хабльские фибулы по основным признакам могут быть отнесены к варианту 1а (формы корпуса, накладок). Этот вариант автор датировал концом V века (10, с. 101). Заметим, что хабльские экземпляры имеют упрощенные по форме серебряные накладки без позолоты, а одна изготовлена из бронзы, что совсем не характерно для варианта 1а. Упрощение деталей - свойственно фибулам варианта 1б, бытовавшим в первых двух третях VI века (10, с. 99,101). Хронология фибул предложенная А.В.Дмитриевым в целом была поддержана А.К.Амброзом (2, с. 49-52). Вероятно, хабльские фибулы следует датировать рубежом V и VI веков.

Хронология бус, пока, не разработана детально. Глазчатые и мозаичные бусы близкие хабльским ранее датировались IV - V вв., по классификации В.Б.Ковалевской (7, 56-59, 61-63). Позднее, начался и до сих пор не завершился процесс передатировки некоторых раннесредневековых могильников (см. 14, с. 103-107). Отметим, что подобные бусы были найдены в могильнике Бжид 1 в погребениях V-VI вв.

Комплекс с фибулами был оставлен не ранее конца V в. и не позже первой трети VI в. Этой дате не противоречит и небольшая обувная пряжка, найденная там

же.

Обоюдоострые мечи с черешковой рукоятью известны во многих могильниках Западного Кавказа (см. 21, с. 90; 27, с. 125; 3, с. 102; 8, с. 52; 26, с. 50). А.М.Хазанов мечи с черешками образующими прямой угол по отношению к основанию клинка выделил в тип 3, отметил, что они появляются еще в сарматское время и бытуют вплоть до VI - VII вв. (34, с. 17, 24). Автор обратил внимание на особую распространенность этого типа на Кавказе. Но дробной классификации этой категории оружия еще нет. Удовлетворимся тем, что обоюдоострые мечи без навершия бытовали в Абхазии и в Восточной Европе до VII в. включительно, после чего их стали вытеснять из употребления палаши и сабли (4, с. 130; 20, с. 165).

Собли небольшой длины со слабо заметным изгибом и перекрестьем из одного бруска металла, подобные хабльской, были широко распространены в салтовских древностях и на Северном Кавказе в VIII - начале X вв. (см. 20, с. 144-149; 23, с. 71-74; 16, рис. 30, 34, 36; 19, рис. 20, 30 и 21, 13; 22, рис. 8, 1 и 10, 1; 30, с. 74; 33, с. 22, 23; 12, с. 61, 62). На Северо-Западном Кавказе эти находки являются массовым материалом в могильниках этого же времени (27, с. 143, 144; 32, с. 151; 17, таб. 4, 3; 18, таб. XXVI, 5; 25, рис. 48, 1, 7, 8; 31, с. 76).

Наконечники копий с узким пером обычны для салтовских древностей как в Подонье (16, рис. 30, 1 и 36, 5; 22, рис. 8, 26 и 11, 3), так и на Северо-Западном Кавказе (32, рис. 1, 3, 4; 18, таб. XXVIII, 1; 25, рис. 46, 1, 3).

В это же время и на этих же территориях были распространены удила с S-видными псалиями (16, рис. 32, 6; 19, рис. 22, 9; 22, рис. 8, 2, 20; 23, рис. 38; 31, с. 77).

Оба стремени относятся к одному типу. В древнерусских древностях они бытуют в IX - начале XI вв. (13, с. 45). Но появились они еще в салтовское время и были широко распространены по евразийским степям (5, таб. IX, 1; 19, рис. 22, 12; 23, рис. 44; 22, рис. 8, 33, 34; 32, рис. 1, 19; 25, рис. 46, 4-6).

Стержень не имеет каких-либо датирующих признаков.

Обращает на себя внимание то, что вещи салтовского облика преднамеренно испорчены еще в древности. Эта черта погребального обряда особенно характерна для кремационных погребений Кубано-Черноморского региона и кремаций Подонья (8, с. 54, 55; 25, с. 158; 22, с. 10; 15, с. 98).

Упомянувшиеся находчиком костяки лошадей, скорее всего, принадлежали погребениям или кенотафам V - VI вв. Именно в эти века конские костяки часто встречаются в могильниках Кубани и Черноморья (9, с. 212-231; 26, с. 50). В салтовское время количество лошадей в могильниках резко уменьшается.

Становится очевидным, что разрушенный могильник у хутора Хабль включал две хронологические группы погребений. Ранние погребения относились к V - VII вв., а поздние к VIII - IX вв. Подобную хронологию имели могильники Борисовский и Дюрсо. Хотя можно допустить, что разновременные погребения могильника Хабль могли соседствовать друг с другом, как в случае с могильником Общественный II, где погребения V-VI вв. и VIII-IX вв. раздельно перекрывали насыпи соседних курганов (6, с. 118-119). Заметим, что поздние группы могильников Дюрсо и Общественного II были кремационными по обряду. Это позволяет допустить, что поздние погребения могильника Хабль были частично или полностью совершены по обряду трупосожжения.

Нам остается только сожалеть о гибели потенциально очень интересного памятника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Возглавлял экспедицию автор этой публикации.
- ** Раньше хутор назывался Школьным.
- *** Речь идет о строительстве Закубанской оросительной системы.
- **** Приношу благодарность А.В.Сазанову за краткую характеристику инвентаря из раннесредневековых погребений этого могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. - IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
2. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
3. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
4. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV - VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V - VIII веков. М., 1982.
5. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
6. Гей А.Н., Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А. О работе Северо-Кавказской экспедиции // АО 1986 года. М., 1988.
7. Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV - V вв. // СА, N 3, 1959.
8. Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158. М., 1979.
9. Дмитриев А.В. Погребение всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА, N 4, 1979.
10. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V - VIII веков. М., 1982.
11. Каминская И.В. Фибула эпохи переселения народов // СА, N 1, 1984.
12. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3. Армавир - Москва, 1997.
13. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.
14. Ковалевская В.Б. Датировка Пашковского могильника 1 // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
15. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1989.
16. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК, N XLI, 1951.
17. Ловпаче Н.Г., Тов А.А. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // ВАА. Майкоп, 1983.
18. Ловпаче Н.Г., Могильники в устье реки Псекупса // ВАА. Майкоп, 1985.
19. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. М., 1981.
20. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА, Т. XXIII, 1955.
21. Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИАК. Вып. 33, СПб., 1909.
22. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

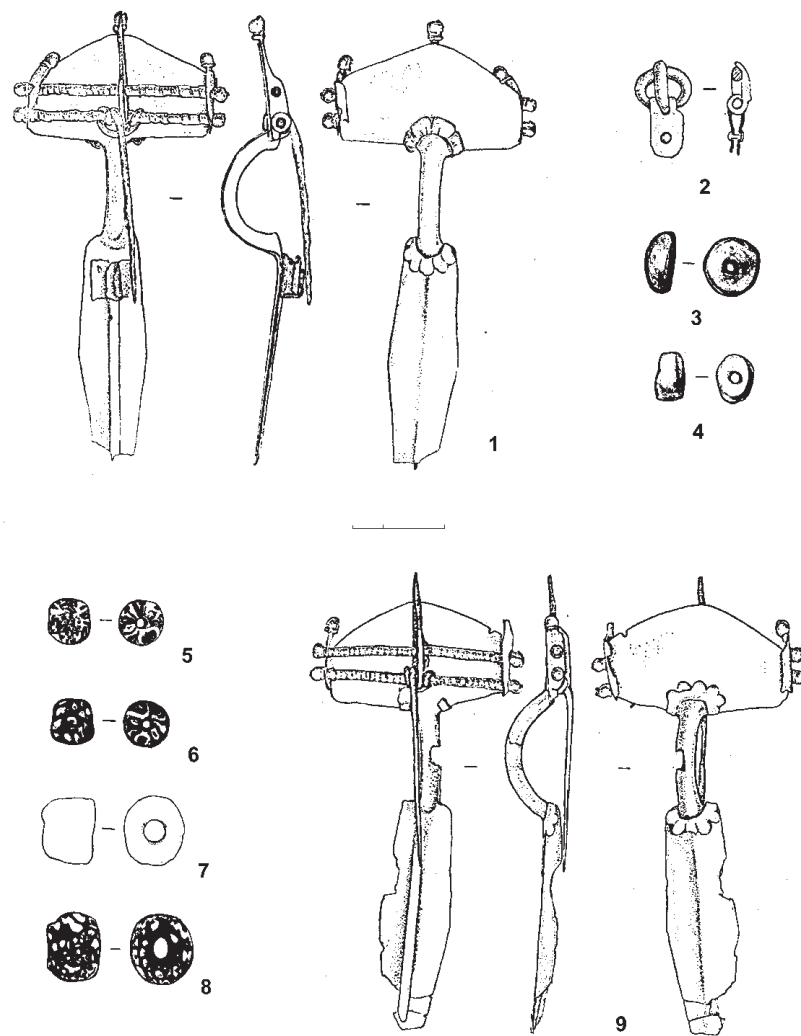

Рис. 1 к статье Пьянкова А.В. «РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ
РАЗРУШЕННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА ХАБЛЬ АБИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

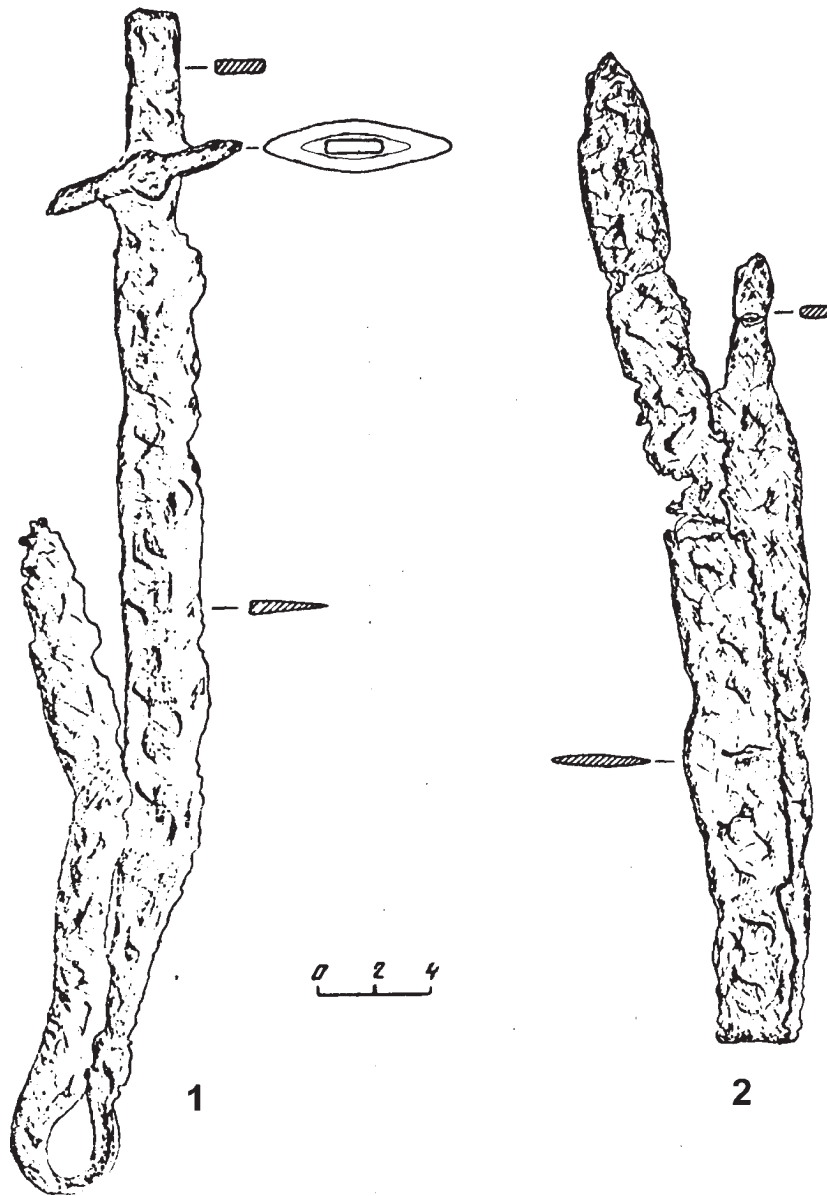

Рис. 2 к статье Пьянкова А.В. «РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ
РАЗРУШЕННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА ХАБЛЬ АБИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

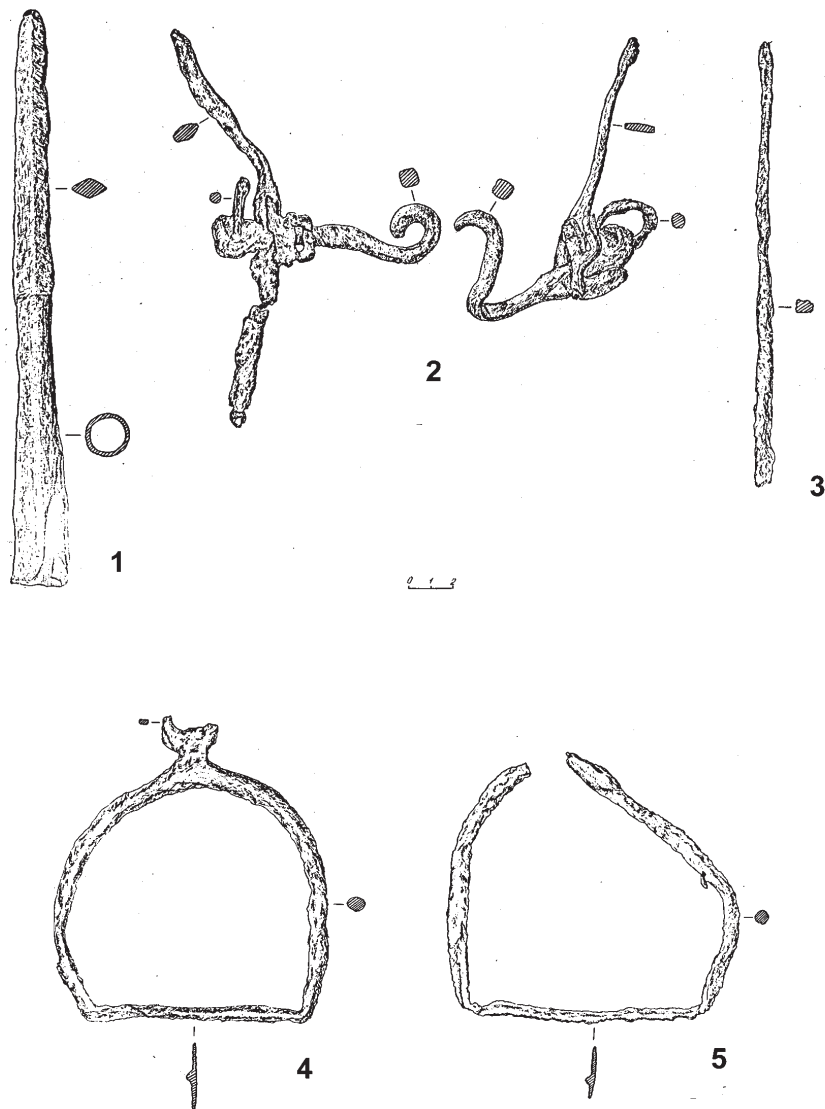

Рис. 3 к статье Пьянкова А.В. «РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА ХАБЛЬ АБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ»

23. Плетнева С.А. *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс.* М., 1989.
24. Покровский М.В. *Пашковский могильник N 1 // СА, Т. 1.* 1936.
25. Пьянков А.В. *Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани.* Краснодар, 1990.
26. Пьянков А.В. *Раскопки могильника Бжид 1 на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани. Вып. 8.* Краснодр., 1994.
27. Саханев В.В. *Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах // ИАК. Вып. 56.* Петроград, 1914.
28. Сизов В. *Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии.* МАК. Вып. II. М., 1989.
29. Смирнов К.Ф. *О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.-Л., 1951.*
30. *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.*
31. Тарабанов В.А. *Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992.*
32. Тарабанов В.А. *Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.*
33. Федоров-Давыдов Г.А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические источники. М., 1966.*
34. Хазанов А.М. *Очерки военного дела сарматов. М., 1971.*

Ларенок В.А.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

За последние 20 лет на северо-восточном побережье Таганрогского залива были проведены раскопки нескольких средневековых поселений. К таким поселениям относятся: Куричанское и Самбекское, расположенные в месте впадения р. Самбек в Таганрогский залив на правом и левом ее берегу; Семеновская крепость - в юго-западной части Миусского полуострова, на берегу Таганрогского залива; Натальевка - на правом берегу Миусского лимана в 3 км к северу от места его впадения в Таганрогский залив. Среди находок на этих памятниках можно встретить незначительные в количественном отношении от общей массы находок (до 2%) фрагменты поливной посуды. С Куричанского поселения анализировался материал из раскопок 1978 г. (9, с. 129). Найдено 20 фрагментов белоглиняной и красноглиняной керамики от чаш разной формы. Небольшое количество мелких и невыразительных обломков найдено при раскопках поселения в 1987 - 1990 гг. (7, с.Н3) На многослойном поселении Самбек поливная керамика обнаружена в одном из средневековых слоев. (5, с. 127-128) Глазурованная посуда представлена 50 фрагментами красноглиняных чаш и кувшинов. На поселении Семеновская крепость анализировался материал из раскопок 1992 г. (2, с. 132; 6, с. 75) Найдено 112 фрагментов красноглиняных чаш и кувшинов. На поселении Натальевка небольшие спасательные раскопки были

проведены в 1995 г. (3, с. 72) Обнаружено 5 мелких фрагментов белоглиняных и красноглиняных чаш.

Глазурованная керамика поселений подразделяется на две основные группы: белоглиняная из каолиновых глин и красноглиняная из железистых полиминеральных глин. Оба эти показателя являются хронологическими и датирующими, так как белоглиняная керамика - более ранняя и ее производство относится по разным версиям к 10- 12 вв. Красноглиняная появляется в 12 в. и полностью вытесняет белоглиняную посуду вплоть до 14 в. (10, с. 93, 119-120, 146)

В зависимости от цвета применяемой глины находились приемы и способы ornamentации глазурованной посуды. Белоглиняная керамика.

1. Подглазурная роспись коричневой и зеленой красками по белой поверхности с применением прозрачной желтой кроющей поливы. Мотивы орнамента растительно-геометрические. Контур рисунка нанесен коричневой краской, внутреннее пространство заполнено зеленой. Из-за сильной фрагментированности полностью орнамент не восстановим. (Табл. 1, рис. 2) Обломки чаш с таким орнаментом найдены на Куричанском поселении.

2. Подглазурная роспись брызгами марганца. Найдены два фрагмента от чаш на Куричанском (Табл. 1, рис. 1) и Натальевском поселениях (Табл. 1, рис. 10).

3. Неорнаментированные чаши, порытые желтой или зеленой прозрачными глазурями. Зачастую внутренняя поверхность имеет желтый цвет, а внешняя - зеленый и наоборот. Фрагменты такого типа есть как на Куричанском (Табл. 1, рис. 4, 8), так и на Натальевском поселении (Табл. 1, рис. 9).

Кроме того на Куричанском поселении найдено дно поливной чаши с клеймом (Табл. 1, рис. 7).

Красноглиняная посуда. Из-за изменения цвета поверхности керамики стали применяться иные способы нанесения орнамента. Прежде всего появился прием предварительного ангобирования поверхности для подготовки ее к нанесению орнамента. Один из новых способов нанесения орнамента - гравировка или срезание ангобного слоя. Мотивы ornamentации поливной посуды с таким типом нанесения орнамента на поселениях Северо-Восточного Приазовья устойчивы и однотипны. Это прежде всего геометрические композиции, с использованием окружности: одна или нескольких concentрических окружностей в центре чаши на ее внутренней поверхности. (Табл. 1, рис. 3, Табл. Ш, рис. 1, Табл. IV, рис. 7,8,9) Между окружностями часто вписывается волна, или от внешней окружности отходят пучки волн. (Табл. 1, рис. 5,6, Табл. IV, 6). Такие же прочерченные окружности наносились по внутренней и внешней поверхностям бортика чаш (Табл. II, рис. 3,4; Табл. II, рис. 2, Табл. IV, рис. 3,4). Иногда на внутренней и внешней поверхностях образовывались места со слабым покрытием ангоба или без него, там где ангоб легко стекал - по краю венчика, в месте соединения бортика и тулова чаши. Здесь появлялись после глазурования поверхности полосы коричневого цвета (Табл. П, рис. 5, 6, 9,).

На этих чашах на внешней поверхности бортиков, не покрытых ангобом, делалась роспись густым слоем ангоба в виде тех же окружностей и волн под кроющей глазурью. (Табл. П, рис. 1, 3, 5; IV, рис. 1,2,4). Часто если внутренняя поверхность имела желтую поливу, то внешняя сторона бортика закрывалась зеленым цветом. Потехи, пята и полосы белого ангоба использовались в ornamentации второй часто встречаемой на поселениях формы поливной посуды - кувшинов. На них по ангобу также наносилась кроющая желтая или зеленая глазурь. (Табл. V, рис. 1-6) Кроме

чаш с описанными орнаментами на Натальевском поселении найден фрагмент чаши с зооморфным прочерченным орнаментом в виде рыбки под желтой кроющей глазурью. (Табл. 1, рис. 11).

Третий прием - ангобированная поверхность покрыта прозрачной желтой или зеленой без подглазурного орнамента. В украшении чаш так же применялись глазурь двух цветов: на внутренней желтая, на внешней по краю бортика - зеленая.

Все перечисленные типы орнаментации красноглиняной посуды относятся к монохромным. Полихромная подглазурная роспись - поздний вид орнаментации красноглиняной посуды, появившийся в 13 в., встречена на единственном фрагменте большого поливного блюда с поселения Семеновская крепость. На нем растительный прочерченный орнамент подсвечен под глазурью зеленой и коричневыми красками по контуру рисунка. (Табл. IV, рис. 10)

По морфологическим признакам всю поливную керамику поселений можно разделить на две основные группы: чаши и кувшины. Обращает на себя внимание тот факт, что белоглиняные чаши имеют полусферическую форму с невысоким бортиком или без него. (Табл. 1, рис. 1,2,3) Красноглиняные чаши подразделяются на собственно чаши с выделенным, часто сложно профилированным бортиком и более плоские блюда-тарелки большего диаметра. Диаметры чаш колеблются от 11 до 18 см, тарелок - до 30 см. К сожалению, сильная фрагментированность предметов не позволяет точно определить форму и размеры кувшинов. Так например, о форме кувшинов можно сказать, что они имели неширокие овальные в сечении ручки, плоские донца.

Поливная посуда поступала на поселения в качестве импортируемого товара из средневековых городов Крыма, где она и производилась. Возможно, ранние типы белоглиняной керамики имели византийское происхождение. Такого типа керамика широко известна по находкам на средневековых памятниках Таврики. (10, с. 120, 146)

Обращает на себя внимание месторасположение поселений на Северо-Восточном побережье Таганрогского залива. Они расположены парами в устье рек, впадающих в залив. Куричанское и Самбек - в устье р. Самбек, Куричанское на левом, Самбекское - на правом берегу. Семеновская крепость и Натальевка - в устье Миусского лимана. Семеновская крепость - на Беглицкой косе на левом берегу, Натальевка - на правом берегу в 3 км от устья. Причем в каждой паре есть раннее поселение с находками бело-глиняной посуды и позднее - только с красноглиняной глазурованной керамикой. Такое местоположение в устье рек и на косе не случайно - это как бы реперные, хорошо распознаваемые с моря пункты. Видимо, поселения играли роль постоянных пунктов торговли-обмена местного населения с заморскими купцами. На каждом поселении производилась своя посуда, правда, неполивная. (Табл. V, рис. 7, 10, II, 12) На Куричанском поселении найдены гончарные печи. (8, с. 108) Тем не менее, были среди местных жителей такие слои, которые составляли спрос на привозную, видимо, дорогую парадную столовую посуду. Ввозили глазурованную посуду, наверное, небольшими партиями, что вело к ее вторичному использованию, на одной из чаш с Семеновской крепости видны следы починки - отверстия для стягивания. На другой чаше бортик отбит, а излом тщательно зашлифован. (Табл. III, рис. 10, Табл. IV, рис. 1) К сожалению, не в одном письменном источнике не упоминается полива как товар. Тем не менее замечателен такой факт. Поселения служили торговыми и для местного кочевого половецкого населения, а одним из товаров, пользовавшихся спросом были глиняные сосуды. Известно половецкое погребение 12в.с гончарным сосудом, таким же, как производились на Куричанском поселении, найденное в курганном могильнике Рясный в Матвеево-Курганском районе Ростовской

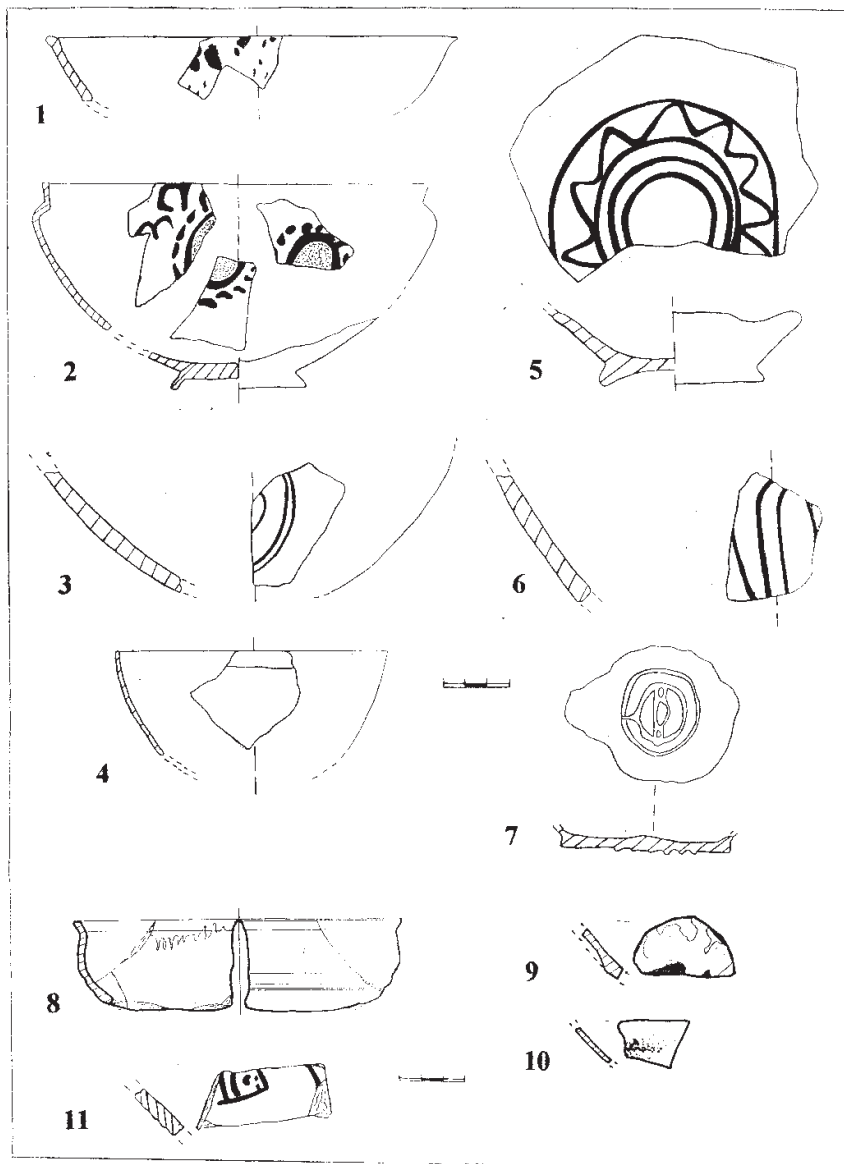

Табл. I рис. 1-7- Куричанское поселение; рис. 8-11- поселение Натальевка.

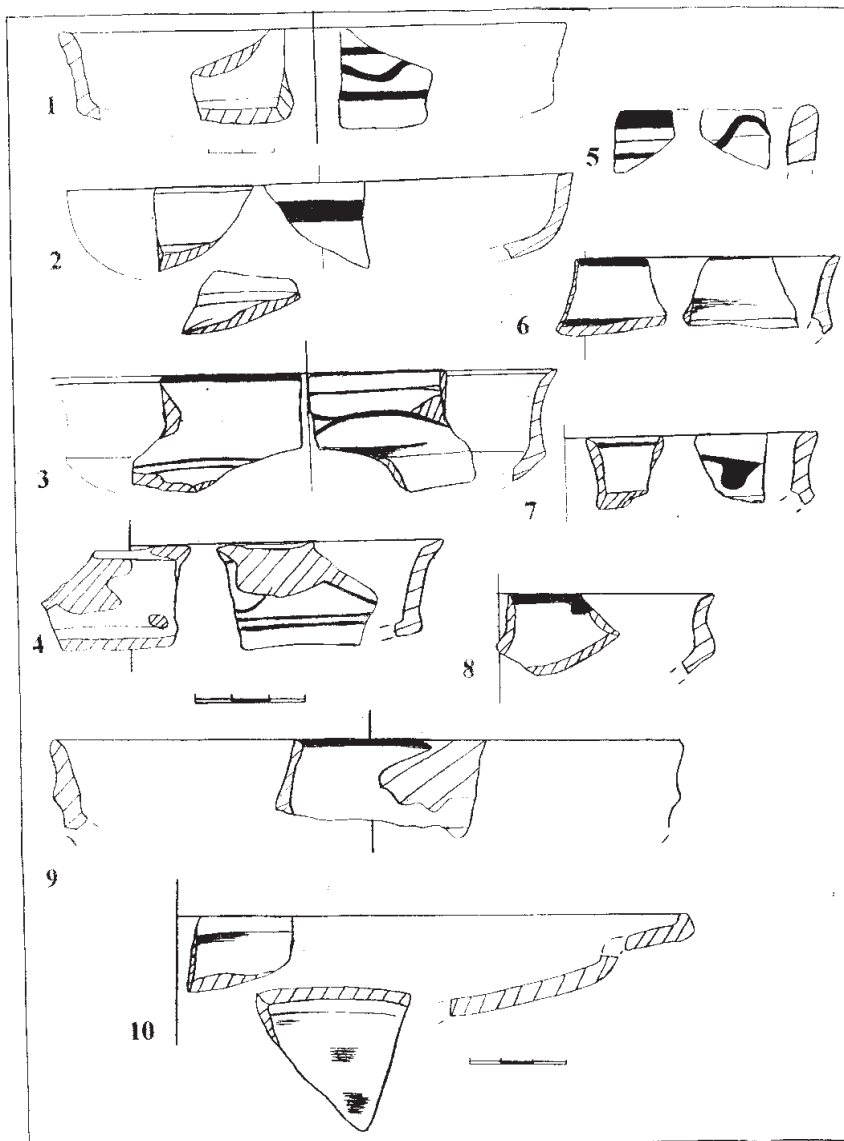

Табл. II рис. 1-10- поселение Самбек.

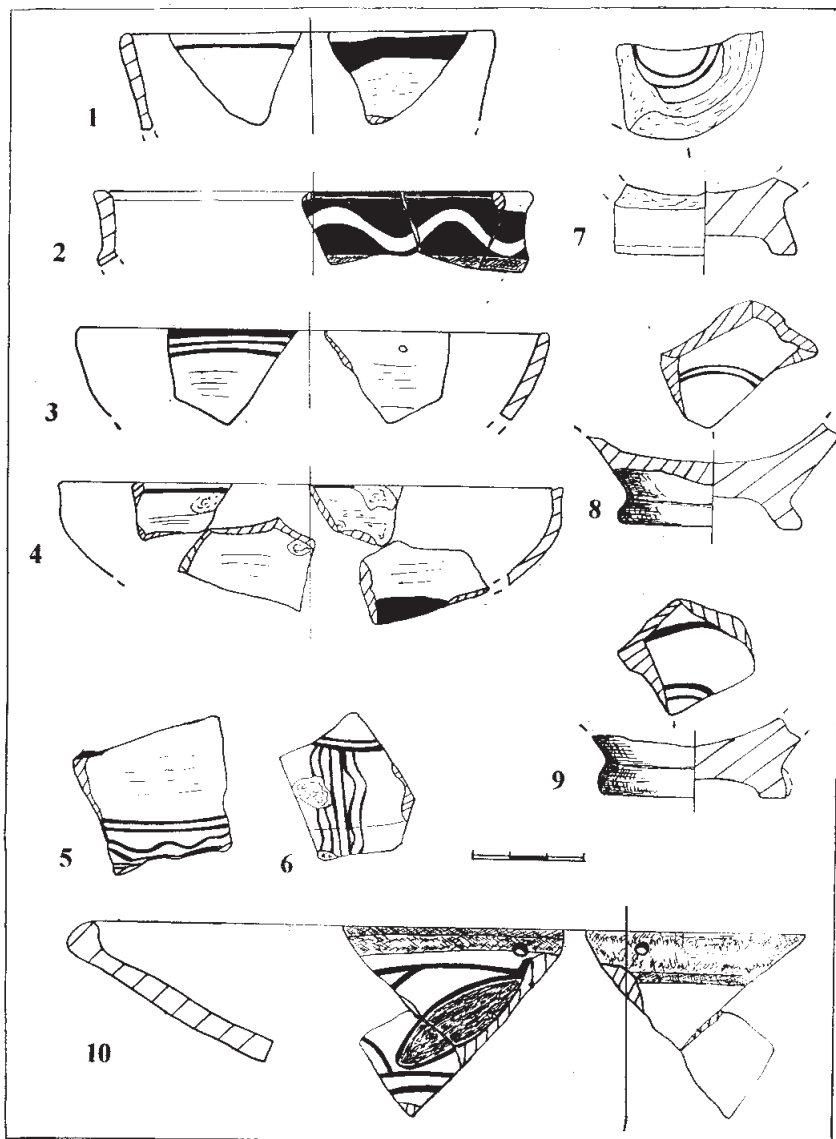

Табл. III рис. 1-10- поселение Семеновская крепость.

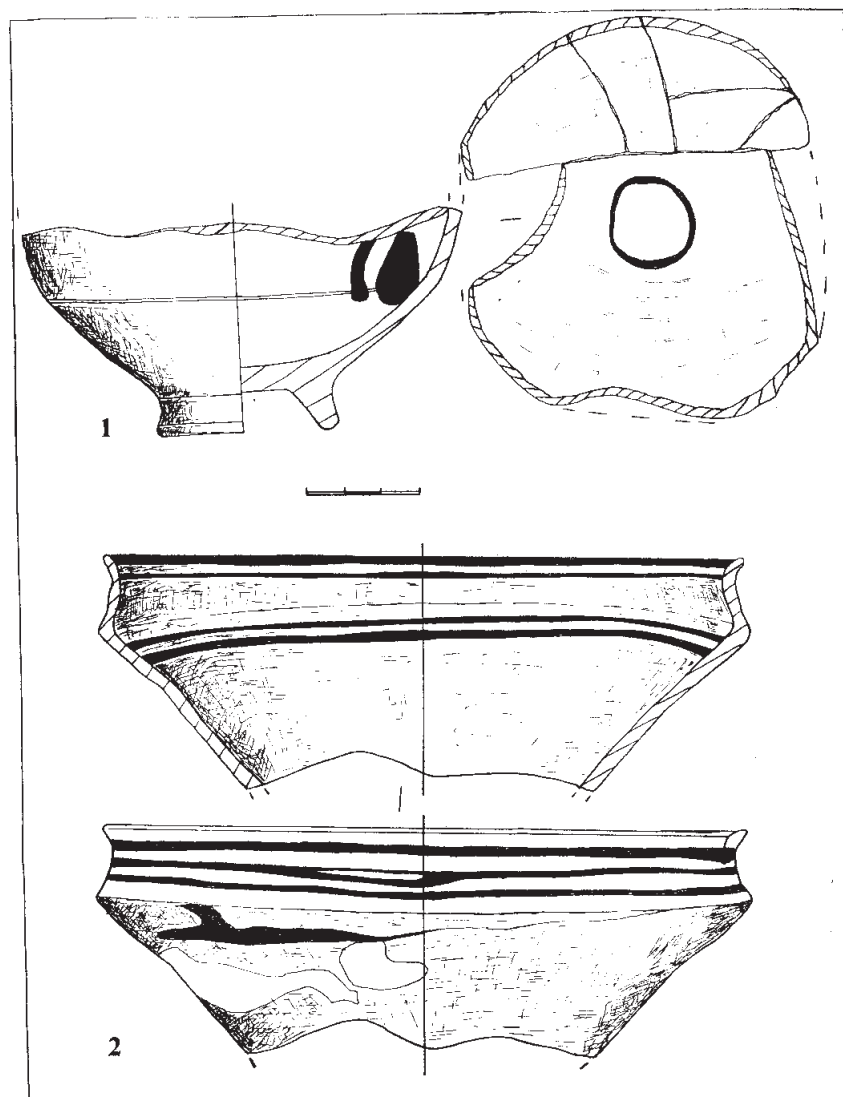

Табл. IV рис. 1-2- поселение Семеновская крепость.

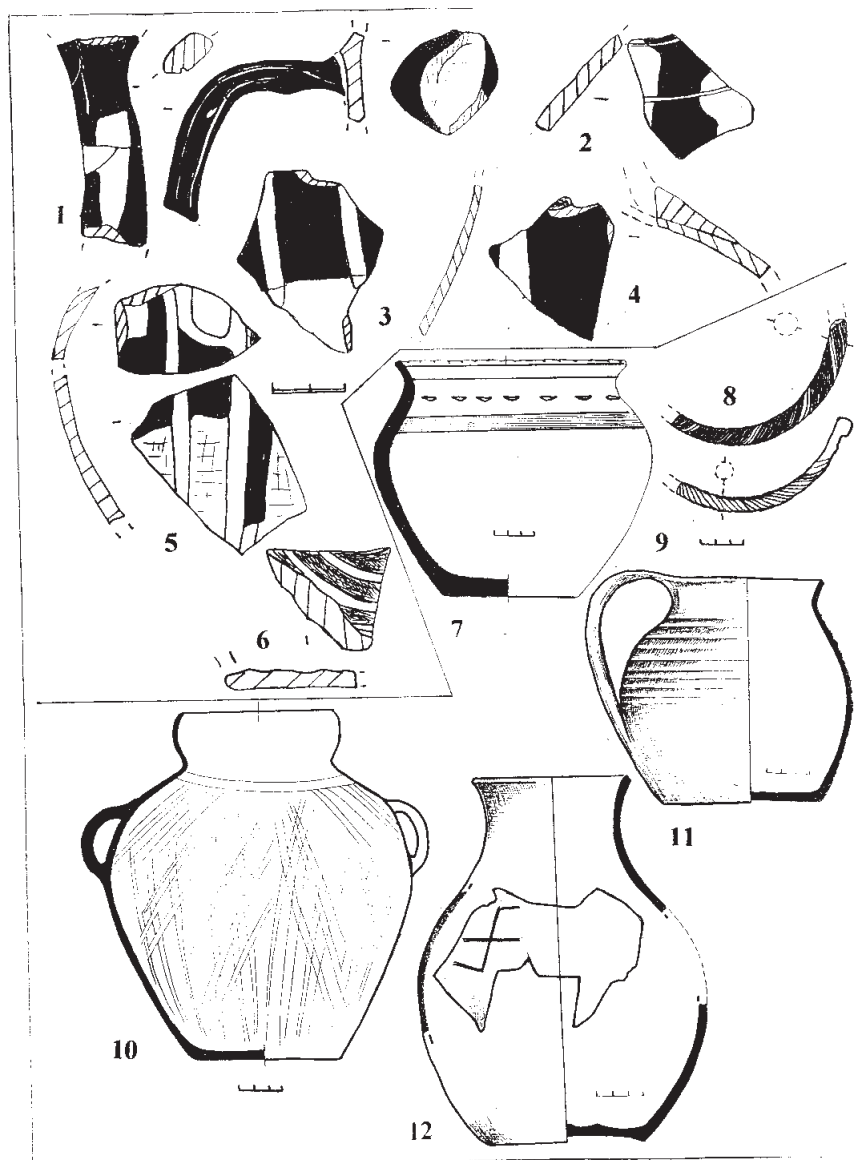

Табл. V рис. 1,5,6- поселение Семеновская крепость; рис. 2-4- поселение Самбек;
рис. 7 - 9 - поселение Куричанское; рис. 10 - поселение Самбек; рис. 11 - 12-
поселение Семеновская крепость.

области, примерно в 40 км к северу от побережья Таганрогского залива. (4, с. 169) Второе погребение, для нас более интересное, найдено в курганном могильнике Царский Мясниковского района Ростовской области, расположенного к северо-востоку от побережья в 50 км. Здесь на насыпи половецкого кургана 13 в. найдена тризна в виде фрагментов поливного кувшина, украшенного потеками белого ангоба. (1, с. 94)

Интересно и то, что на поселениях Северо-Восточного Приазовья встречаются однотипные поливные красноглиняные сосуды при обилии разных типов глазурованной посуды, изготовлявшихся в крымских городах. Это в основном чаши с геометрическими композициями (вписанные окружности и волна) и кувшины с потеками белого ангоба. Создается впечатление, что перечисленные виды посуды поставляли на поселения одни и те же мастерские, которые и формировали вкусы покупателей. Но таких мастерских, видимо, было несколько. Об этом свидетельствуют разные комбинации примесей в тесте керамики: известковые включения и песок; песок с обильной примесью слюды; хорошо отмученное тесто без видимых примесей. В белоглиняной керамике заметны включения красных железистых частиц. Есть еще один факт, свидетельствующий о производстве привозной поливы в разных мастерских. На некоторых красноглиняных чашах и кувшинах использовался жидкий белый ангоб, неравномерно растекавшийся по поверхности сосудов. В результате после нанесения кроющей поливы на поверхности образовывались более темные (коричневые или черные в зависимости от цвета поливы) пятна, мелкие точки и штрихи. На второй группе ангоб был густой и таких пробелов на поверхности не оставалось. Интересно, что в общей массе однотипной посуды на поселении Самбек и Семеновской крепости очень мало сосудов с зеленой поливой и многоцветной росписью. Что это - отражение вкусов и прихотей заказчиков или закупки посуды в одних и тех же мастерских у одних и тех же мастеров? Возможно, учитывая платежеспособность населения, купцы привозили сюда не самые дорогие виды посуды. Единственными образцами редких и более ценных сосудов можно считать белоглиняные чаши Куричанского поселения.

Описанные типы поливной керамики средневековых поселений Северо-восточного Приазовья позволяют определить хронологические рамки существования этих памятников. Видимо, самое раннее из возникших поселений и просуществовавших более длительный промежуток времени - Куричанское, нижние границы которого можно датировать второй половиной XI-XII веком, верхние - XIII в. На поселении найдена медная византийская монета 70 годов XIII в. (7, с. 114). В XII в., видимо, появилось Натальевское поселение и просуществовало до конца XIII в. Одновременно существовали в XIII в. поселения Самбекское и Семеновская крепость. Важно подчеркнуть, что перечисленные поселения существовали только до конца XIII в., до начала активного освоения этих территорий Золотой ордой. В XIV в. на побережье появились новые населенные пункты в других местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильюков Л. С. Отчет об исследовании курганного могильника Царский в Мясниковском районе Ростовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 12890.
2. Ларенок В.А. Поливная керамика Семеновской крепости. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. вып. 12, Азов, 1994 г.
3. Ларенок В. А. Отчет о раскопках поселений у х. Ломакин и с. Натальевка в Неклиновском районе Ростовской области в 1995 г. // Архив ТПИИМЗ.
4. Ларенок В.А. Позднекочевническое погребение из могильника Рясный II. // Научно-

- практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы. Донецк, 1989.
5. Ларенок П.А. Хронология средневекового слоя городища Самбек. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов, 1983.
 6. Ларенок П.А. Охранные раскопки Семеновской крепости. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. вып. 12, Азов, 1994.
 7. Рязанов С.В. Славянское поселение близ г. Таганрога. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. вып. 10, Азов, 1991.
 8. Рязанов С.В. Гончарная печь на Куричанском поселении. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. вып.9, Азов, 1990г.
 9. Числова В. А. Поливная керамика в Куричанском поселении. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов, 1983.
 10. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Таврики. Ленинград, 1979.

Фролов Б.Е.

Фрагменты из книги «Оружие кубанских казаков

ПИКИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

По одной из классификаций пики относятся к группе древкового оружия. Они считаются традиционным казачьим оружием. В. Зубарев, посвятивший отдельное исследование этому оружию, писал, что пика в казачьей кавалерии «являлась не только преимущественным, но можно сказать, почти исключительным видом оружия /250/. Не одно десятилетие в среде военных и специалистов-теоретиков шел отчаянный спор о преимуществе сабли (шашки) или пики для кавалерии в рукопашном бою. Но почти все единодушны во мнении, что на Кавказе пика оказалась оружием малоэффективным и стала для казаков даже обременительной.

Первыми от нее отказываются линейные казаки. П. Орлов указывал, что хоперцы, переселившись на Кавказскую линию, переняли у черкесов одежду и вооружение, оставив у себя только пику, но и от нее вскоре отказались /251/. В.А. Потто отмечал умение линейцев присмотреться к противникам и заимствовать у них все хорошее. «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка... сделались их любимым оружием /252/. А.Д. Ламонов свидетельствовал об отмене пик у кубанских казаков в 1827 г. /253/. Этой же точки зрения придерживаются авторы исследования о Кубанском полке /254/. Казаки Кавказского полка также первоначально имели на вооружении пики /255/. По справке, составленной войсковым архивом, пику у них отменили в 1829 г. /256/. Таким образом, к концу 20-х гг. XIX в. линейные казаки Кубани пику употреблять перестали. Ф.Энгельс в статье «Кавалерия», написанной в 1858 г. для «Новоамериканской энциклопедии», отметил этот факт: «... казаки оставляют свою пику, когда им приходится иметь дело с опытными бойцами на саблях - черкесами /257/.

Донские и черноморские казаки с пикой долго не расставались и в рукопашных схватках с горцами оказывались чаще всего «лицом страдательным». Лишь у П.П. Короленко можно найти строки о страхе, который горцы якобы испытывали перед пикой. «Прискакавшие черкесы приняли с черноморцами жестокое сражение и прямо бросились на них в шашки, а казаки приняли их на пики. Этого страшного оружия горцы при рукопашной схватке более всего боялись, но если им удавалось перерубить древко... то казаку не было пощады, горец изрубит его на куски своей острой шашкой /258/.

Юный И.Д. Попко в одном из своих стихотворений так поэтично писал о казаке и его оружии:

... Казак предчувствует траншею
И пику выпрямил, как шею
Журавль, летящий за моря...
Бог вам на помощь, черноморцы... /259/

Будучи уже зрелым человеком, опытным военным, он заметил по этому поводу: «Молодое поколение бросает остракизм против пики, потому что не видит подвигов, совершенных пикой, и, что еще важнее, не замечает в горах никакого страха к этому богатырскому оружию, страшному только в известном месте и при множестве известных условий /260/.

О презрительном отношении горцев к этому оружию пишет и В. Зубарев /261/. А. Дюма заметил, что донскому казаку копьё «служит более помехой, нежели защитой /262/. По его словам, горцы даже не выкупали своего товарища, раненного пикой.

«Камыш идет - насмешливо кричали линейцы и солдаты регулярной армии, завидев сотню донцов с поднятыми вверх пиками /263/. В.А. Колесников, специально изучавший службу донских казаков на Кавказе, отмечает: «Пики, грозное оружие донцов при встрече с неприятелем в открытом поле, превращались в никчемную и бесполезную вещь в кавказских условиях /264/.

Казакам Черноморского войска пика полагалась по «штату». Часть казаков являлась с собственными пиками, но большинство получило их от русской армии. Уже в мае 1788 г. по повелению Главного дежурства Екатеринославской армии казакам выдали 2 243 пики /265/. В июне от князя Г.А. Потемкина было доставлено 428 пик. В этом же месяце представители войска принимали пики и древка к ним в Херсоне. В одном из документов речь идет о пиках «старого и нового калибра», однако выяснить, в чем заключалось это различие, не удалось.

К июню 1789 г. на вооружении казаков всех 38 куреней состояло 205 собственных и 1 636 казенных пик. В июне казаками было еще принято 3 340 наконечников («железок голых») и 138 пик с древками. Одна тысяча пик состояла в конной команде /266/.

Пики довольно активно использовались в ходе военных действий. По приказу А.В. Суворова всем казакам, участвовавшим в штурме Измаила, предписывалось иметь короткие дротики. П.П. Короленко, описывая взятие Гаджибейского замка, указывает, что турки «сделались жертвой смертоносных казацких копий и солдатских штыков /267/.

И после переселения на Кубань пики остаются главным холодным оружием черноморцев. В 1797 г. казаки, окруженные около Староредутского кордона, «отстреливались и сражались на пиках /268/. В хорошо известном деле у Ольгинского

кордона (1810 г.) пешие казаки Тиховского бросились на черкесов «в ратица / 269/.

После введения в 1816 г. сабель на вооружение черноморских казаков, пика осталась их главным холодным оружием. Собственно говоря, в рапортах о рукопашных стычках с черкесами почти всегда описываются действия только пикой. Приведем несколько таких свидетельств. 14 февраля 1818 г. полковник Кондруцкий докладывал: «...черкесы вдруг бросились толпою и пошли на сабли, а казаки на дротики /270/. 1820 год: «казаки защищали себя от неприятеля ружьями и ратищами / 271/. Интересно отметить, что за один и тот же бой казаки-адыги и казаки -скажем так - славяне представляются к наградам по разному. Первые - отличились действиями саблями, вторые - «неустрасимо поражали неприятеля на пиках /272/. В 1830 г. войсковой старшина Могуторов рапортует атаману Безкровному: «Неприятель обратился на меня с шашками... Но видя храброе действие пиками и ружьями моих казаков... начал постепенно отступать /273/. Сам А.Д. Безкровный так описывает два сражения с черкесами в 1830 г.: «Горцы с пренебрежением к жизни бросились с шашками в ряды наши и хотя мужественно были встречены на пиках и штыках, но смешались с нашими командами и лишившись в пылу сей битвы шашек действовали кинжалами с отчаянием . И в следующем сражении горцы «каждый раз были встречаемы мужественно на пиках, штыках и картечными пушечными выстрелами / 274/.

Совершенно очевидно, что черноморцы лучше действовали пикой, чем саблей. И. Бларамберг свидетельствовал: «черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкают черкесов пикой на полном скаку /275/ (откровенно скажем, что не в состоянии себе представить этот технический прием).

По положению о Черноморском казачьем войске 1842 г. пики разрешалось употреблять только в удобных и нужных случаях. Ни это решение, ни введение шашек не способствовали успеху клинкового оружия у казаков. В 1852 г. атаман Я.Г. Кухаренко, проверяя конные полки на границе, обратил внимание на тупые шашки казаков. Он издал приказ об их заточке и одновременно обратился с ходатайством об окончательной отмене пик. 19 января 1853 г. вышел приказ по Черноморскому войску, где говорилось: «Пики при образе войны неправильной служат одним только обременением, связывающим казака действовать свободно прочим его оружием в местах лесистых и камышеватых /276/. Казакам разрешалось не брать пики на пограничную службу, они оставались для «службы вне войсковых пределов для войны с европейскими народами . В очередной раз казакам приказывалось «отточить шашки .

Однако следующие годы показали неподготовленность черноморцев владеть шашками. Уже через 5 лет, в январе 1858 г., вышел новый приказ по войску. В нем констатировалось: «...казачьи шашки, по непривычке казаков к действию оными, также не предлагают надлежащего обеспечения к успеху дела, я признал нужным чтобы впредь казаки в ходе на очередную кордонную службу и на подкрепление границы всегда имели пики /277/. Вероятно, пики у черноморцев вышли из употребления только после окончания Кавказской войны.

Как же выглядели казачьи пики? К сожалению, ответить на этот вопрос довольно сложно. Гамель так описывал пики, изготавливаемые на Тульском оружейном заводе начиная с 1815 г.: «Пики черноморских казаков состоят из лезвия, шейки и трубки с двумя дырами, пика же донских казаков имеет только лезвие и трубку с

двумя же дырками /278/. Судя по тому, что описывая выше пику улан, Гамель указал на «лезвие с долами», следует предположить, что боевой наконечник пики черноморцев был гладкий, без дол.

А.Н. Кулинский отмечает: «Пики первой трети XIX в., как казачьи так и кавалерийские, отличались большим разнообразием. Размеры боевого наконечника, длина и диаметр древка казачьей пики были неопределены. Характерным признаком казачьей пики первой трети XIX в. было лишь отсутствие подтока и пожилин у боевого наконечника /279/. Мы можем добавить, что на вооружении казаков в конце XVIII-начале XIX вв. находились и черкесские пики /280/. Правда, и о них нет никакой информации. По словам И.Д. Попко, в этот период «конные казаки употребляли ратище с длинным красным древком, а пешие с коротким суковатым, приготовленным из ясеня или другого крепкого дерева, и не покрытым никакой краской /281/. При стрельбе казаки втыкали копье в землю и на один из сучков укладывали ствол ружья, превращая тем самым копье в своеобразные подсошки. Отсюда и название этого короткого копья - «подсох». В рукопашном бою подсох использовался как колющее оружие (по замечанию современника, в таком бою штык-молодец был гораздо проворнее старичка-подсоха).

Форма и размеры боевого наконечника казачьих копий были разнообразны уже хотя бы потому, что это неизбежно в условиях мелко-кустарного производства. В войсковых документах конца XVIII-первой четверти XIX вв. боевой наконечник именуется «пикой», «списом», «железком», а с конца 20-х годов - «дротиком»; древко - «древком», «ратовьем», «ратищем» (последним часто называли и копье целиком). Можно предположить, что у черноморцев преобладали листовидные плоскоовальные наконечники довольно большой длины. Подобный вывод следует из слов генерал-майора М.Г. Власова, отметившего «непомерную длину железок казачьих копий, их «истонченность» и настойчиво рекомендовавшего «трехгранные дротики /282/. В коллекции КГИАМЗ хранятся три наконечника (КМ-1401/1, КМ-1401/2, КМ-1503), названные в дореволюционных описях «казачьими». Все они имеют описанную форму (хотя точная атрибуция по времени, месту изготовления и бытования пока проведена быть не может).

Дореволюционные кубанские историки утверждали, что подсох перешел в Черноморию из Запорожья. Возможно, это и так, хотя Д.И. Яворницкий, описывая вооружение запорожских казаков, о нем не упоминает /283/. Некоторые факты не вполне согласуются с версией механического переноса. Готовясь к штурму Измаила, войсковой судья А. Головатый предписывает всем казакам на флотилии (здесь в основном и служили пешие казаки) иметь короткие пики /284/.

На Кубани черноморские казаки после 1816 г. должны были иметь пики с длиной древка в 4 аршина «без железка /285/. В одном из дел удалось найти общую длину пики с наконечником - 4,5 аршина /286/. То есть наконечник пики черноморцев был примерно 35 см. Цвет древка полагался красный. Требования о длине древка в силу различных причин повсеместно не соблюдалось. В документах неоднократно отмечаются «неоднородные ратовья /287/. И тем не менее, не только конные, но и пешие казаки имели длинные древки. В 1823 г. генерал-майор М.Г. Власов, находясь с отрядом за Кубанью, заметил: «пешие казаки, имея пики на форменных ратовьях не только затруднялись в действии противу неприятеля, но даже чувствовали от тяжести их... изнурение в силах своих...». Учитывая это обстоятельство, он предписал, чтобы все пешие казаки «в самое короткое время, сняв пики с своих ратовищ, приделали их на особые, гораздо короче от оных древки, которыми не только удобно

было колоть неприятеля, но даже при перестрелке могли им служить и сошками для верности выпуска пули /288/. В полки приказ пошел в следующий формулировке: «Пешим казакам... поделать особые подсошки, с них стрелять им будет удобней, носить на себе легче и колоть неприятеля ловчей /289/. Приведенные документы ясно указывают на инициатора и время введения подсохов в Черноморском войске (впрочем, это не исключает более раннего использования «пидсох пластунами, находившимися в войске на особом положении).

Следует также заметить, что ограничивать использование подсохов только Черноморией (или Запорожьем) было бы неверно. Копья с коротким сучковатым древком имели, по всей видимости, более широкое распространение. На рисунке Я. Потоцкого 1790 г. в левой руке ингуша мы видим прямо-таки классический подсох /290/. Встречаются короткие копья в этот период и у адыгов, в одном документе прямо говорится: «черкесский подсох /291.

В заключение приведем любопытное свидетельство участника Кавказской войны, относящееся ко второй половине 30-х гг. Он отмечает, что пешие черноморские казаки имели «короткое копьё в рост человека с сучковатым древком, прозванное ими «пидсохою», которую они, взбираясь на горы, подпирались, а сучками древка хватались при подъеме в лесах за кусты и сучья деревьев /292/.

В 1839 г. был утвержден образец казачьей пики. В 1843 г. с Тульского оружейного завода вместе с другим оружием выслали в Черноморское войско наконечник новой пики. В ответ последовало следующее письмо: «В числе образцового оружия, полученного через почту от онаго правления, пики оказываются не того вида, какими вооружены Черноморские казаки /293/. При этом в Тулу была выслана «Черноморская пика», взятая у казака лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона. 11 января 1845 г. командир этого эскадрона сообщил в Войсковое дежурство, что по распоряжению императора пики нового образца (1839 г.) вводятся только в эскадроне, а в Черноморском войске «могут остаться употребляемые ныне /294/. Размеры пики черноморских казаков были следующие: длина лезвия 21,5 мм (у острия 12,5 мм), толщина у трубки 12,5 мм, у боевого конца примерно 5 мм. Длина трубки - 18,8 см, диаметр - 3 см /295/.

Почему же черноморские казаки, несмотря на явные неудобства применения пики в кавказских условиях, так и не сняли ее с вооружения? И.Д. Попко считал: «Приверженцы старины стоят за пику и, кажется, по одной только привычке по старинной прибаутке: «козакови без ратища, як дивчини без намиста (козаку без пики, как девушке без ожерелья) /296/. Нам же кажется, что этот консерватизм имел сугубо практические корни. Пика исконно являлась главным оружием черноморца в рукопашном бою, и как бы ни редки стали подобные схватки в связи с введением нарезного оружия, он не мог остаться фактически безоружным против бросившегося в шашки противника.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 250.Зубарев В. Опыт исторического исследования законов развития специально-колющего оружия. Варшава, 1900. С. 276
251.Орлов П.П. Кубанские казаки. Екатеринодар, 1908. С. 3
252.Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991. С.284
253.Ламонов А.Д. Указ. соч. С. 471
254.Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. Армавир, 1994. С.14
255.Соловьев В.А. Подвиг сотника Гречишкина. Краснодар, 1996, С. 11

256. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 8407, л. 62
257. Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1957. С. 222
258. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 286
259. Цит. по: Шевченко Г.Н., Виноградов В.Б. Иван Диомидович Попко. Армавир-Краснодар, 1996. С. 3
260. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858. С. 194
261. Зубарев В. Указ. соч. С. 289
262. Дюма А. Указ. соч. С. 51, 52
263. Абази К.К. Донцы на линии // Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1916. Т. 2. С. 653
264. Колесников В.А. Донцы на Кубани. Ставрополь, 1995. С. 8
265. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 4, л. 4
266. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 45, л. 8-14; д. 51, л. 7, д. 43, л. 83
267. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 8. С. 61
268. Дмитренко И.И. Указ. соч. СПб, 1898. Т. 4. С. 241
269. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 172
270. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 730, л. 77
271. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 762, т. 1, л. 60
272. Там же. Л. 212
273. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 1042, л. 86
274. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 1057, л. 143, 156
275. Бларамберг И. Указ. соч. С. 65
276. ГАКК. Ф. 670, оп. 1, д. 27, л. 374
277. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 817, л. 12
278. Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI-XIX вв. Краткий определитель... М., 1953. С. 41
279. Кулинский А.Н. Указ. соч. С. 135
280. ГАКК. Ф. 250, оп. 1, д. 52, л. 240
281. Попко И.Д. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872. С. 12
282. ГАКК. Ф. 261, оп. 1, д. 1, л. 8, 25
283. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев, 1990. Т. 1
284. Короленко П.П. Головатый - кошевой атаман Черноморского войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 11. С. 120
285. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 731, т. 1, л. 139
286. ГАКК. Ф. 250, оп. 2, д. 652, л. 4
287. ГАКК. Ф. 290, оп. 1, д. 17; Ф. 249, оп. 1, д. 782; Ф. 294, оп. 1, д. 18
288. ГАКК. Ф. 284, оп. 1, д. 32, л. 56
289. ГАКК. Ф. 261, оп. 1, д. 128, л. 518
290. См. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М., 1989. С. 21
291. ГАКК. Ф. 249, оп. 1, д. 313, л. 108; Ф. 250, оп. 1, д. 62, л. 592; Ф. 249, оп. 1, д. 625, л. 297
292. Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 6
293. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 188, л. 168
294. Там же. Л. 20
295. Там же. Л. 227
296. Попко И.Д. Указ. соч. С. 194

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КАЗАЧЕСТВА В ПЕРИОД
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА КУБАНИ
(1920 – НАЧ.1930-Х ГГ.)**

В настоящее время сложились благоприятные условия, чтобы разобраться в процессах, которые происходили в кубанских станицах во время большевистских преобразований. События этих лет должны получить объективную оценку, они нуждаются в тщательном и всестороннем изучении. Разработка данной темы дает представление о том, что в результате социалистического переустройства деревни был нанесен сокрушительный удар по традиционному миру кубанского казачества.

Кубанское казачество рассматривается нами как особая категория русского крестьянства. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые утверждают, что к началу XX в. наблюдался естественный процесс расказачивания.

Начиная с момента переселения на Кубань, казачество тяготилось совмещением военной службы с необходимостью самообеспечения. В период капитализации крестьянского хозяйства развитие казачьего подворья искусственно тормозилось его военно-служилой зависимостью (1). В результате усиливающихся противоречий между старым типом казака-воина и нарождающимся типом казака-фермера наметилась тенденция к превращению основной части кубанского казачества в крепких,

зажиточных хозяев-землевладельцев, утративших свои военные обязанности. Но, после Октября 1917 г., естественный процесс расказачивания сменился насильственным.

Политика расказачивания проводилась с первых дней установления советской власти. Большевики отрицали самобытность казачества. Они лишили казаков их особого положения в вопросах землевладения, самоуправления, налогообложения. Так, например, в 1918 г. на Кубани в ходе аграрной реформы земельные наделы казаков уменьшились в пользу иногородних. Все это предопределило негативное отношение большинства казаков к новой власти. В начале 20-х годов, во время проведения продразверстки, на Кубани создаются бело-зеленые банды, большинство в которых составляли представители казачества. Эти формирования оказывали вооруженное сопротивление изъятию зерна. Такая реакция казачества имеет свое объяснение. Если в центральных районах страны крестьянство выдало правительству кредит доверия, получив от него помещичью землю, и это доверие растрачивалось пропорционально жестокости продразверстки, то на Кубани у большей части казаков отношение к большевикам было негативным либо неопределенным, ибо большевики лишили казачество его дореволюционного статуса (2).

Ответной реакцией со стороны властей явилось широкое применение репрессивных мер: арест с конфискацией имущества, выселение из станиц, расстрел. Так, например, за время с 20 сентября по 1 ноября (1921г.) политкомиссиями было расстреляно 3112 чел. (3).

В исследовании первого десятилетия советской власти нельзя обойти вниманием тот факт, что в 1924г. большевистская партия провозгласила лозунг Лицом

к деревне , который в кубанских условиях трансформировался в политику Лицом к казачеству . В этот период казаки пытались создать параллельные органы самоуправления (Союз хлеборобов), принимали активное участие в выборах в местные Советы и кооперацию. Но, с весны 1926 г. политика ВКП(б) начинает меняться.

Первоочередные задачи развития промышленности оттеснили проблемы деревни на второй план и политика Лицом к деревне за несколько месяцев сошла на нет. В 1926г. в казачьих районах страны вновь была проведена земельная реформа, которая задела интересы широких слоев казачества, так как не могла произойти без потери казаком-средняком части земли (4).

Новое землеустройство обострило и углубило конфликт между казаками и советской властью. О сложности ситуации свидетельствует такой факт: в феврале 1927г. на Северном Кавказе создаются тройки ОГПУ с неограниченными полномочиями вплоть до применения смертной казни.

В годы первой пятилетки, целью которой была индустриализация всей страны, начинается стремительное падение уровня жизни сельского населения.

Зерновым районам, в том числе и Кубанскому округу, спускаются завышенные планы хлебозаготовок. Зерно шло на экспорт, в обмен на зарубежную технику. Такая политика вела к развитию города за счет деревни.

Планы хлебозаготовок не учитывали реальных возможностей крестьянских хозяйств. Для их выполнения у станичников изымались не только товарные излишки , но и запасы, необходимые для производства и потребления. Повсеместно закрывались рынки, по казачьим и крестьянским дворам шли ревизии и обыски. Укрывателей хлеба ждал неминуемый арест с конфискацией всех продовольственных излишков и инвентаря. Но, несмотря на такие крайние меры, планы хлебозаготовок на Кубани выполнялись не более, чем на 50 процентов. Реакция властей была однозначной кулацкий саботаж. Незамедлительно последовали репрессивные меры. В мае 1929г. было издано постановление О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде . Казаки были лучше обеспечены землей, скотом, инвентарем, чем иногородние, имели более зажиточные и экономически мощные хозяйства. Это обстоятельство, наряду с участием большей части казаков в белом движении, заранее предопределило предвзятое отношение советской власти к казачеству. Поэтому многие представители коренного населения попадали как в списки кулаков, так и под такие размытые категории подкулачник , зажиточный , культурный хозяин со всеми вытекающими последствиями. В итоге, на Кубани отмечаются массовые случаи дробления хозяйств, попытки самораскулачивания. Казаки и крестьяне, опасаясь преследований, собственноручно уничтожают нажитое трудом добро. За несколько месяцев 1929г. таких случаев зарегистрировано: по Краснодарскому р-ну 45, по Усть-Лабинскому 70, по Павловскому 65, по Тихорецкому 32(5). Эти данные охватывают далеко не все сманевривавшие подобным образом хозяйства.

В письмах своим родственникам, эмигрировавшим за границу, казаки жалуются, что хозяйство не улучшается, а наоборот, все падает и падает ; здесь казачество ничто В старое время они действительно выделялись и жили хорошо, но здесь хуже иногородних. Иногородний здесь или служащий или имеет в руках какое-то мастерство, а казак лишь кое-как зарабатывает на жизнь . В некоторых посланиях встречаются и такие тревожные строки: В последнее время приходится очень много переживать за участие в белой армии. Переживем ли . Растет число лишенцев в кубанских станицах: При выборах в Совет в нашей станице было

лишено голоса до 400 человек .(6).

В ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) принимает решение о сплошной коллективизации сельского хозяйства в основных зерновых районах страны. На Кубани коллективизацию намечено было завершить к лету 1931г. В большинстве случаев она осуществлялась путем насильственного сгона крестьян и казаков в колхозы. Накалялась атмосфера классовой борьбы, т.к. большевиками фактически и практически был поставлен знак равенства между понятиями коллективизация и раскулачивание . И в горячке великого перелома массе низовых работников ничего не стоило совершить логическую ошибку: если коллективизация есть метод ликвидации кулачества, то и ликвидация кулачества как класса есть метод коллективизации. (7).

4 января 1930г. Кубанский окружной комитет постановил , чтобы ни один случай противодействия проведению сплошной коллективизации со стороны кулака и подкулачника не был оставлен судебно-расследовательными органами без возбуждения уголовного преследования с соответствующими ст.ст. 58-8 или 58-9 УК . Расследование по делам такого рода должно было проходить в ударном порядке в 3-5 дневный срок, а по наиболее сложным в десятидневный . Собрание постановило также просить Окрсуд дать соответствующую директиву о необходимости повышения судебной репрессии в отношении кулаков и крепко-зачиточных (8). Во многих станицах Кубани руководили люди, присланные из других мест, не знающие психологии и быта казачества, игнорирующие самобытность коренного населения . Они считали казаков однородным зажиточным классом с контрреволюционным прошлым , отрицательно относящимся к советской власти. В итоге, многие представители казачества попадают в категорию классовых врагов и подвергаются раскулачиванию, которое сопровождалось арестом, конфискацией имущества, производственного инвентаря и посева, выселением за пределы Северо-Кавказского края. Обратимся к свидетельствам очевидцев :

Казakov многих выселяли с семьями еще в феврале за Урал, в Сибирь, откуда пишут, что многие из них поумирали, а других позаедали несметные насекомые. А сейчас разносят повестки и списки, кого наметили к высылке в первую, вторую, третью группы. Творится такое, что описать нельзя. Большинство казаков поразграбили, повыгоняли из домов, забрали мебель, скот. . Вот на днях будут высылать многих неизвестно куда Нашим станичникам за границей передай, что выслали их семьи Многие поумирали там с голоду и холоду.

Людей выселяли в глухие нездоровые места, где крайне тяжело было обосноваться и вновь обзавестись хозяйством. Переселенцев отправляли целыми семьями вместе с детьми и стариками. Так, по списку выселяемых кулацких хозяйств 3-й категории (Славянский район) выселению подлежали семьи: Пуленко Я.Я. 11 членов семьи, из них 4 дети; Верик Д.Т. 7 человек, из них 4 детей; Сидоренко Д.П. 7 человек. в т.ч. 4 детей; Фомышен Я.И. 9 человек., в т.ч . 8 детей ; Шевченко Г.Д. 3 человека, в т.ч. бабушка 1858 года рождения и двухлетняя племянница. (9).

Что ожидало этих людей в суровых условиях Севера, нетрудно представить. Они ехали на верную гибель. Из письма ссыльного казака: По всему видно, что мы не успеем хат поставить. Харчи плохие и вдобавок разного рода насекомые заедают так, что не только работать, но и жить невозможно, так что нам приходится погибать здесь в дремучих далеких лесах А обращение с нами такое, как будто хуже нас нет никакой твари на земле, никакой пощады нету (10).

Некоторые жители Кубани считали, что верхние круги власти хотят к

новому году всех казаков с Кубани выслать и провести колхоз на сто процентов (11).

Злоупотребление властью, произвол были постоянными спутниками сплошной коллективизации. Ее насильственный характер вызывал справедливое негодование крестьянства. В начале 1930г. по всей стране прошла волна массовых антиколхозных выступлений. Кубань являлась одним из регионов наиболее ожесточенного и упорного сопротивления коллективизации. Только в январе 1930 г. здесь было зарегистрировано 11 мятежей. Особенно крупные антиколхозные выступления произошли в станицах Бакинской и Черноморской. Основными участниками восстаний были представители казачества. Кубанские леса и горы густо заселены беглыми казаками, ушедшими в лес для вооруженной борьбы с большевиками. Есть станицы, пославшие в лес до 900 человек. Вряд ли можно найти станицу, которая не была бы представлена хотя бы небольшим отрядом (12).

Ответом со стороны властей явились громкие судебные процессы над участниками контрреволюционных казачьих организаций. За январь-март 1930г. районными отделами ОГПУ по делам такого рода было осуждено свыше 70 человек.

Но, неверно было бы утверждать, что руководство края в такой сложной обстановке не пыталось идти на компромисс с казаками. 26 апреля 1930г. Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) было принято постановление О работе среди казачьего населения Северного Кавказа, в котором осуждалась недооценка казачества в социалистическом преобразовании деревни. Было сказано о необходимости увеличения числа казаков в станичных советах. (13).

Однако, это постановление не смогло исправить сложившегося положения. У многих местных партийных и советских работников оставалось предвзятое отношение к казакам, и нехватка опытных подготовленных кадров из казачьей среды объяснялась боязнью их выдвижения.

Казачьей интеллигенции на местах существовать трудно, ее всячески выживают; найти на Кубани место писаря или счетовода или конторщика нашему брату-казаку совершенно невозможно. Все места заполнены пришлым элементом, партийными коммунистами. Казаков если найдется 1-2%, то это много. Сообщают жители Кубани своим родственникам за границу (14).

Темпы колхозного строительства продолжали форсироваться. На Северном Кавказе к весне 1931г. сплошная коллективизация была объявлена в основном законченной. Колхозы зерновых районов имели более крупные размеры, чем в среднем по стране. Такими громоздкими колхозами-гигантами управлять было трудно. Частыми явлениями был падеж скота, бесхозяйственное отношение к инвентарю, уравнилельное распределение оплаты труда. Для огромного количества колхозов не хватало машинной техники, руководителей, опыта коллективного хозяйствования. Все это вызывало недовольство крестьян и приводило к отказам от работы. Наличие в колхозах казаков в таких случаях давало основание низовым органам, особенно когда нужно было оправдать беспорядки и собственные ошибки, утверждать, что виноваты саботажники и контрреволюционеры из казаков. (15). Справедливости ради отметим, что не всегда такие обвинения были беспочвенны: Число колхозов непрерывно повышается на фоне непрекращающейся стихийной борьбы казаков против повседневногo насилия. Доведенный до отчаянья казак ломает свои машины, режет скот, выгоняет в степь коня на голодную смерть. (16).

Не прекращаются судебные процессы над участниками повстанческих казачьих организаций. Так, на рубеже 1930-31 гг. Кубанским оперативным сектором

ОГПУ была ликвидирована организация Лига казачества, возникшая в станице Елизаветинской. 48 членов Лиги было приговорено к различным срокам лишения свободы. В том же 1931г. по делу казачьей контрреволюционной организации Вызовление был репрессирован 331 человек.

С Кубани продолжают поступать тревожные сообщения от местных жителей: Зимой и летом выселили много кулаков. Хороший урожай наполовину пропал из-за колхозной бессмыслицы. В казачьих и иногородних массах царит большое возмущение и недовольство. Окончательно потеряла свою остроту рознь между казаком и иногородним. Казачьи массы достаточно испытали теперь на первом плане и глухая и явная ненависть к большевистскому насилию казачья кровь льется ежедневно и ежечасно (17).

События осени 1932г. известны под названием Кубанского дела и связаны с приездом на Кубань чрезвычайной комиссии во главе с Л.М. Кагановичем. Поводом послужил срыв хлебозаготовительной кампании. 2 ноября состоялось заседание секретарей райкомов в Ростове-на-Дону, на котором выступил Л.М. Каганович с программой репрессивных мер. 14 декабря ЦК ВКП(б) и СК СССР приняли постановление, согласно которому Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому было поручено решительное искоренение контрреволюционных элементов кулаков, бывших офицеров, сторонников Кубанской Рады и др. Выполняя приказ верховной власти, бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) приняло решение за саботаж хлебозаготовок выселить жителей станицы Полтавской как наиболее контрреволюционной. Через несколько дней такая же участь постигла станицы Медведовскую и Урупскую, затем еще десять станиц. Выселение частично или полностью населения из казачьих станиц Кубани, число которых превышает 13,.. равносильно новому этапу расказачивания. По неполным данным, число депортированных из казачьих станиц Кубани достигает 63,5 тыс.кубанцев (18).

Массовые репрессии, некачественная обработка колхозной земли, а также неблагоприятные климатические условия привели к тому, что в зерновых районах страны на рубеже 1932-33гг. разразился страшный голод. Он опустошил десятки кубанских станиц. На основе косвенных данных приводится цифра до одного миллиона человек, погибших от голода на Северном Кавказе, из них 80% приходится на районы, население которых говорило на украинском языке, на котором тогда говорили казаки. (19).

Таким образом, за исторически небольшой промежуток времени - 1920-нач.1930-х гг. жизнь кубанцев претерпела коренные изменения. Жестокое вторжение государственного диктата в крестьянскую среду вызвало резкое падение уровня жизни. Колхозники были отчуждены от общественных средств производства, результатов своего труда и перестали чувствовать себя хозяевами на земле. Массовые репрессии, депортации и голод уменьшили количество жителей Кубани на сотни тысяч человек. Безусловно, наши земляки разделили участь всего российского крестьянства. Но, говоря о раскрестьянивании на Кубани, нельзя не учитывать то, что здесь этот процесс имел свою специфику: в рамках раскрестьянивания шло расказачивание.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 1.Зайцев А.А. *О некоторых тенденциях в истории Кубанского казачества. // Казачество в истории России. Краснодар. 1993. С.102-103*
- 2.Балышкин Е.Г. *Налогообложение в кубанской станице и его роль в формировании*

- взаимоотношение Советской власти и казачества в первые годы НЭПа. // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С.110
3. Там же. С. 112
4. Чернопицкий П.И. Изменения в землепользовании казаков Северокавказского края в 1917-1929 гг. Ростов-на-Дону, 1987
5. ГАКК. Ф.Р-1050. Оп.1. Д.5. Л.8.
6. Крестная ноша (трагедия казачества)// Дон, Ростов-на-Дону, 1990 6.С.59-60
7. Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. М., 1989. С.100
8. ГАКК. Ф.Р-1035. Оп.1. Д.9. Л.179.
9. ГАКК. Ф.Р-828. Оп.1. Д.2885. Л.8-10
10. Крестная ноша (трагедия казачества)// Дон, 1990 6. С. 65
11. Там же. С.67
12. Там же. С.65
13. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1922-1927). Сб. документов и материалов. Краснодар, 1972
14. Крестная ноша (трагедия казачества)// Дон, 1990 6. С.66
15. Алексеенко И.И. Колхозный строй и казачество первой половины 30-х гг.// Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения, Краснодар, 1992 С.82
16. Крестная ноша (трагедия казачества)// Дон, 1990 6 С.72
17. Там же. С.72
18. Алексеенко И.И. Колхозный строй и казачество первой половины 30-х гг.С.82
19. Там же. С.83
-

Ïäàíí á íááíð 16.09.98. Ïäïëñàíí á ïá÷àòü 18.09.98.
Ãäðíèòóðà Æðèæ. Ïá÷àòü ïññàóíàÿ. Õñ. ï.è. 4,0.
Çæàç 1575. Õèðæ 100 ýç.